26-58

— Алло, диспетчер!
Куда подавать груз?

Рисунок
Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

КРОКОДИЛ

Кондрат УБИЛАВА, специальный корреспондент Крокодила

Куриная слепота

Тяга к поваренной книге у Чичико Шаликовича Кирвал-оглы с детства. Откроет он ее, почитает немножко, потом закроет глаза и погружается в грезы. В грезах видит Кирвал-оглы, как сидит он за кавказским столом, а перед ним куры жареные, куры пареные, куры в тесте и в бульоне, куры в соусе и с подливкой, чахохбили, цыплята табака, а то и просто — жирными ножками кверху.

И еще обожал Кирвал-оглы сказку про курочку-рябу, что несла золотые яички. Знал наизусть басню о петухе, который сыскал жемчужное зерно, и где?! В навозной куче!

— Как несправедливы люди,— вздыхал маленький Чичико,— придумали, что куры — дуры...

— Кем ты станешь?— спрашивали, бывало, мальчика гости.

— Куроедом,— серьезно отвечал он. И хотите верьте, хотите нет, но эта его мечта сбылась. Потому что, возмужав, устроился он старшим кладовщиком Ткварчельского холодильника, где кур видимо-невидимо, правда, мороженых...

Это были куры не его, а государственные, но на такую мелкую деталь кладовщик не обращал никакого внимания, потому что куриное изобилие просто оглушило кладовщика и поставило перед ним ряд проблем. А проблемы были важные: какая хохлатка питательней — серенькая или желтенькая, можно ли за обедом совмещать сметану и пастуший сыр — сулугуни, случается ли от дармовых яиц диатез и так далее... К чести Кирвал-оглы, эти и прочие задачи он решал походя, оперативно и в персональное меню включал все, что было на складе — от левой стены до правой...

Сегодня к столу ему подавали бройлеров в сыре, завтра — цыплят в горшочке. На второй завтрак он потреблял глазунью, а перед сном ковырял в зубах петушиным ребрышком...

Время шло как в сказке. И за два года с небольшим Кирвал-оглы изволил скушать на складе около сотни центнеров курятины, 10 420 килограммов сыра, 11 696 килограммов вологодского масла, 2 459 килограммов маргарина, 11 583 банки сгущенного молока, а в переводе на деньги — 96 431 рубль и еще 65 копеек...

Не мудрено, что Гаргантюа из Ткварчели иногда одолевала икота.

— Ага,— говорил он тогда,— вспоминают меня. Ревизоры.

И правда, за время его службы проверок была дюжина, причем три — из управления «Грузмясомаслорыбторг». Но они ему ничуть не мешали.

— Честь тебе и хвала! — говорили кладовщику члены всех двенадцати комиссий.— Извини, отвлекли от дела, генацвале...

Времени у человека, постоянно занятого едой, и точно было мало. Но нужно сказать, что на литературную правку он время находил. Красивенько и аккуратно исправлял в отчетах пятерки на шестерки, тройки на восьмерки. Знали бы вы, как оживает любая цифирка, если к ней спереди приставить единичку. Да что там — единичку! На складе оставалось всего-навсего 167 яичек, а Кирвал-оглы приплюсовал к ним сто одну тысячу им скушанных и все это записал в накладную Ткварчельского орса — вот то была яичница! На весь горняцкий город...

— Щедрее и гостеприимнее тебя, кацо, на свете нет,— говорили Кирвал-оглы наезжие гости, отведав ткварчельской курятины. Было у кладовщика и фирменное блюдо: цыпленок, фаршированный сторублевой купюрой. Ах, какой аромат источала эта стряпня! И не удивительно, что от подобных угощений у иных ревизоров наступала куриная слепота.

Сильно пострадал, к примеру, старший ревизор управления «Грузмясомаслорыбторг» Г. Гургенидзе. Он из-за этой странной и внезапной слепоты не заметил восьми фиктивных товарно-транспортных накладных на сумму около пятидесяти тысяч рублей, не увидел и того, что на складе уйма товара не оприходована. Ах, какой занятой человек Кирвал-оглы: глаза видят, а руки не доходят!.. Из-за чрезмерной загруженности по истреблению кур стал он и забывчив: то битую птицу на двадцать тысяч рублей не оприходует, то тысячу килограммов сыра в карман себе нечаянно смахнет. При таком хозяйстве не мудрено ошибиться, а ошибок Кирвал-оглы не терпел, он их в ведомостях и актах бритвочкой и резинкой счищал...

А потом все было, как в страшном сне. Приехала тринадцатая ревизия. Ревизоры обедали почему-то в столовой и расплачивались собственными рублями. Тринадцатая, учтите, ревизия, которая для Кирвал-оглы оказалась последней.

Понимающие люди после нее выписали Кирвал-оглы специальный рецепт для худения, но нет в том рецепте ни курятины, ни сулугятины. Одна определенная тюремная диета...

А друзья-товарищи этим очень обеспокоены, по инстанциям бегают, адвокатов изыскивают. Ведь и их прикармливал Кирвал-оглы курятиной. За добро надо платить добром. Надо выручать хлебосольного дружка.

И в самом деле, сердечным, чувствительным человеком был Кирвал-оглы из Ткварчели. Помнится, привезли как-то к нему на склад машину с цыплятами с птицефермы.

— Живых цыплят — и в холодильник? — вскричал гневно Кирвал-оглы.— Они же, бедненькие, там замерзнут! Мы им место найдем потеплее...

И нашел. У себя в животе. И вот такого человека — на диету. Причем одного. Почему одного? Где справедливость?!

Сухуми—Ткварчели.

К ПРАЗДНИКУ ПОДАРИ ЖЕНЕ УЛЫБКУ. НЕ СКУПИСЬ!

Страницы 8—9 мы посвящаем нашим дорогим женщинам

Игорь ФИЛЕНКОВ

К чему распри?

Когда я вошел к начальнику, он зачем-то выглянул за дверь, плотно прикрыл ее и, понизив голос, сказал:

— Поздравляю, тебе выписали премию. Деньги небольшие, но могут начаться разговоры, почему именно тебе, и так далее. Так что соблюдай, пожалуйста, конспирацию. К чему в нашем коллективе распри?

Кассир, отсчитав деньги, заговорщически подмигнул мне. Домой я возвращался с подарками.

Отозвав жену на кухню, я вручил ей перчатки и сказал:

— Советую сказать, что нашла их на скамейке, а то дочка может обидеться. К чему в нашей семье распри?

Потом я вышел с дочкой на балкон.

— Вот тебе, Зиночка, серьги. Лучше всего скажи, что одолжила их на время у подруги. А то мать... сама понимаешь. К чему нам распри?

Когда мы остались в комнате вдвоем с сыном, я сунул ему шоколадный батончик. Призывать к конспирации его не пришлось, так как он отлично умел держать язык за зубами: ему было всего восемь месяцев.

Александр СОБОЛЕВ

НЕ КРАСНА ИЗБА...

На улице Ветвистой
три дома неказистых
стояли обреченные
на слом.

Три вывески похожих
ласкали взор прохожих:
«Химчистка»,
«Ателье»
и «Гастроном».

«Химчистка» зазывала:
«Ковры, и одеяла,
костюмы, и дорожки,
и платки
не только что прилично —
мы вычистим отлично
и дешево. И сроки коротки!»

Реклама есть реклама,
но, в общем, скажем прямо,
в «Химчистке» было все
наоборот:

Клиенты (и за дело!)
ругали бракоделов
и зава брали круто
в оборот.

Зав разводил руками:
— Ну посудите сами,
что можно сделать в этой
тесноте!
Вот создали б условья,
тогда уж, безусловно,
мы были бы на должной
высоте.

А в «Ателье» — картинки:
брюнеты и блондинки,
наряд их очень моден
и красив.
«Глядите, не зевайте,
заказы нам сдавайте,
украсит вас обновой
«Индпошив».

Картинка есть картинка,
но я скажу с грустинкой,
что дело шло — увы! —
наоборот.

От этих рукоделий
заказчики немели
и раскрывали изумленно
рот.

А зав на все протесты
твердил: «Тут мало места
и мало света,
уверяю вас.

Вот создали б условья,
тогда уж, безусловно,
вещички мы сдавали б
экстра-класс...»

А как же в «Гастрономе»,
который в третьем доме!
Вы, верно, были гостем
дорогим!

О да! Над входом, кстати,
гласил цветной плакатик:
«За посещенье вас
благодарим».

Плакатик есть плакатик.
Но ведал покупатель,
какие тут порядки,
что почем.

Нередко продавщицы
рычали, как волчицы,
и чуть ли не толкали
вас плечом.

И говорил директор:
— Да, да, грубят нередко.
Но в этом нет, поверьте,
их вины.

Ребенок понимает,
что в этаком сарае,
конечно, продавцы
обозлены.

...Но вскоре на Ветвистой
три дома неказистых
пошли, как полагается,
на слом.

И лихо шло веселье:
справляли новоселье
«Химчистка»,
«Ателье»
и «Гастроном».

Какие помещенья —
сплошное восхищенье!
Простор и свет,
изысканный комфорт.

Здесь даже петь охота.
А как насчет работы?
Ну, надо думать, самый
высший сорт!

Увы! Совсем неверно:
и шьют и чистят скверно,
и хамства не убавил
«Гастроном»...

Все согласятся с нами:
не новыми углами
изба красна,
а вкусным пирогом.

КРИТИК: — Начал я с частностей, а получилось вот что...

Рисунок В. ШКАРБАНА

ДУРНУШКА С РОДИНКОЙ

Юрий АЛЕКСЕЕВ

И вновь в Продолговатом зале редакции негде было яблоку упасть. Многие пришли со своими стульями, и их нетрудно понять... После продолжительного отсутствия на страницах «Крокодила» в редакцию явился фельетонист Юрий Алексеев и оправдал свою долгую отлучку сатирическим романом «Бега».

Аудитория признала причину уважительной.

С журнальным вариантом романа, напечатанным в №№ 1—2 «Молодой гвардии», собравшиеся были уже ознакомлены. Автор зачитал аудитории новые главы романа, который полностью выйдет отдельной книгой в издательстве «Советская Россия».

Затем, согласно пункту «б» крокодильских чтений, собравшиеся единогласно постановили: напечатать главу из новой книги Юрия Алексеева «Бега».

— Анюта! Ты приготовила мне брюки?

Ответа не последовало.

Иван в лиловых кальсонах петухом прошелся по комнате и еще раз прокричал:

— Анюта! Ты что, оглохла?

На этот раз из прихожей донеслось шлепанье босых ног, и в дверях показалась женщина в застегнутом не на ту пуговицу халате. Волосы у нее были накручены жгутами, и оттуда торчали драные бумажные хвосты.

Медленно дожевав кусок пирога, она вытерла рот ладошкой и тогда уже сказала:

— Некогда было мне, я в баню ходила.

— В баню?! — застонал Иван, воздевая руки к рожковой люстре.— Нет, вы только послушайте... Жена драматурга! Автора всенародной пьесы!! Ходит в баню!!!

— Ну и что? — сказала Анюта, надкусивши еще кусок и придерживая запястьем крошки на подбородке.

Иван Сысоевич скрестил руки на груди и отвесил жене восточный поклон:

— Спасибо тебе... большое человеческое спасибо!

— Не за что,— выдавила сквозь пирог Анюта.— Я же мыться туда ходила, а не стирать.

Иван Сысоевич рухнул на диван и закрылся ладонями.

Насчет пьесы он действительно не врал. «Дурнушка с родинкой» шла в провинции на «ура», и он этим страшно гордился, не понимая секрета успеха. Любовная судьба дурнушки волновала зрительниц-девушек гораздо крепче и непосредственнее, чем судьба материально обеспеченной Офелии. «Быть или не быть?» — казалось им слишком праздным, удаленным от загса.

«Выйдет замуж или не выйдет?» — вот в чем вопрос.

Свадьба дурнушки решала наболевшее. Зритель в полусапожках покидал зал с красными от счастья глазами, и пьеса шла от Балтийского моря до моря Лаптевых.

Иван заважничал, завел шубу на хорьковом меху и перебрался в столицу.

Тут ему пришлось обтесываться заново.

Хорьковая шуба, в которой он счастливо хаживал по родному Белужинску, казалась в Москве признаком ревматической деревенщины. Новые московские знакомые взялись ему помочь.

На вечеринке у одной критикессы быстрый на руку Белявский вывел гостей в переднюю и под аплодисменты оборвал с шубы грубые хорьковые хвосты. После этого Ивану велели завести джинсы, бороду, трубку и собаку.

Переделка на городской лад шла мучительно.

Трубка раскуривалась с титаническим усилием, и спичек на нее уходило больше, чем табаку. Зато, раскочегарившись, она сочилась полынью и жгла, как кипяток. Грубые джинсы кривили ноги до такой степени, что Ивану Сысоевичу порой казалось, что он смог бы ездить на лошади без седла. Разминать их приходилось ежедневно. Еще хуже было с бородой. Кожа на шее зудела и чесалась. Сдавалось, что там растут не волосы, а комары.

— А Хемингуэю, думаете, было легче? — взбадривала драматурга критикесса, поправляя у зеркала шляпку из хорьковых хвостов.

— Да, это был мужественный человек,— соглашался Иван Сысоевич и запихивал себе трубку в рот, как удила.

Пока Иван Сысоевич обкуривал трубку и чесал бороду, Гурий Белявский начинял и благоустраивал его квартиру. Стены комнат были покрашены в разный цвет, а кухня расписана под «голландский», как ему втолковали, кирпич. Трубка у Ивана Сысоевича тоже была голландской, и такой «унисон» ему понравился. Наконец свершилось и главное: Гурий где-то раздобыл ему мебель «ампир» — резной, «несгораемый» (как выразился Белявский) дубовый буфет, пузатенькое, как самовар, бюро, альковные кровати и ореховый столик для пасьянса. Последним штрихом, облагородившим квартиру драматурга, была уникальная картина «Голубой козел».

Теперь у Ивана было «все как у классиков» (не хватало, правда, еще собаки, но Гурий клятвенно обещал привезти ее прямо с погранзаставы), и только жена, нережимная сдобная жена, отравляла ему полноту счастья.

Она приводила Ивана Сысоевича в тихую ярость. И не только бумажными хвостами на голове и байковым халатом. Она его совершенно не понимала.

Пьесы давались Ивану Сысоевичу в муках. Иной раз он часами сидел на кухне и не мог придумать ни слова. Чуткая и начитанная критикесса посоветовала ему обратиться к примеру классиков. Шоу, по ее словам, вдохновлялся в тяжких случаях порчеными яблоками, а Мольер увлажнял голову жидким миндалем. Ивану Сысоевичу это понравилось. Но только он увлажнился и разложил перед собою червивую падалицу, как пришла Анюта, смахнула бесценную гниль в совок и, принюхавшись к миндалю, выразилась так:

— Слава богу! Наконец-то перхотью занялся!

Иван поджимал в таких случаях губы и засасывал носом воздух. Нет, он решительно не любил жену. Но она была, и с этим приходилось считаться.

— Анюта! — позвал он сладким голосом.

Жена не отзывалась.

Иван Сысоевич поднялся и пошел обговаривать вечерний стол. Гостей ожидалось немного, но принять их следовало обстоятельно, по системе Станиславского...

ОПАСНЫЙ ПЕРЕГОН

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

В. КАНАЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ШУБЫ-НЕВИДИМКИ

Испуганная женщина деревянными от волнения пальцами крутила телефонный диск.

— Караул! — заголосила она.— Горим!

— Фу ты! Опять погорельцы! — холодно отозвалось в трубке.— Какой адрес?

— Веселиново, универмаг райпотребсоюза! — выпалила женщина.— Спасите!

— Ладно, уговорили,— смягчилась трубка.— Наведайтесь завтра.

— Ой, завтра поздно будет! — запричитала женщина.— Сгорим ведь, и дыма не останется...

— Время терпит,— успокоила трубка и частыми гудками дала понять, что разговор кончен.

Внесем ясность. Директор универмага Н. К. Басок разговаривала не с дежурным пожарной команды. Помочь ее горю у пожарных, так сказать, была кишка тонка... Конечно же, огнетушители не требуются, если в универмаге горит план товарооборота. Тут необходимы более действенные средства. Горящий план можно забросать, к примеру, меховыми шапками, коврами, цигейковыми шубками, мотоциклами с коляской... Поэтому директор универмага обращалась не к пожарным, а взывала о помощи к заведующему складом вознесенской межрайбазы В. И. Андрусенко. Она знала, что у Василия Ивановича наверняка припрятан дефицитный товар на такой вот пожарный случай.

Назавтра Н. К. Басок примчалась на базу.

— Василий Иванович,— обратилась Надежда Кондратьевна к мужчине с уверенным взглядом торгового работника, которому сам ревизор не брат,— вы наша надежда!

— Надежда, говоришь... Стало быть, тезки мы с тобой,— фыркнул Василий Иванович.— Ну, выкладывай, тезка, на сколько горишь?

— На десять тысяч,— всхлипнула Н. К. Басок.

— Не убивайся,— покровительственно пробасил В. И. Андрусенко.— Сейчас сделаем тебе план...

Завскладом взял счет и стал писать, мурлыкая:

— Что нам стоит дом построить?.. Вот тебе тридцать три меховые шубы... Нарисуем...

— ...будем жить,— обрадованно подхватила Надежда Кондратьевна.— Давайте скорее шубы!

— На-кось,— протянул Василий Иванович директору универмага охапку воздуха.— Да ты глаза не таращи! Это шубы-невидимки.

— Ой и шутник вы, Василий Иванович! — хихикнула Н. К. Басок.

А Василий Иванович не думал шутить. Действительно, ни директор универмага, ни его покупатели так и не увидели этих шуб. Да и как же увидеть, если они приглянулись знакомым В. И. Андрусенко...

Потом завскладом выписал три ковра-самолета. Они были тоже, так сказать, сказочные. Прямо со склада разлетелись...

— Вот тебе и план в кармане,— Василий Иванович выложил десять тысяч рубликов на бочку из-под соленых огурцов.— Вот тебе сразу и выручка. Товарищеская.

— Ой, правда, как в сказке,— захлопала в ладоши директор универмага.— Вы чародей, Василий Иванович!

— Просто я работаю волшебником,— с улыбкой поправил он Надежду Кондратьевну.— По совместительству. Ну, ступай да пригласи ко мне погорельцев из Доманевского района...

И план доманевского универмага был выполнен как по мановению волшебной палочки. Правда, пришлось немного поколдовать с кассовым аппаратом, выбивая чеки за шубы-невидимки невидимым покупателям. Зато премия за выполнение плана была вполне реальная.

— Эх, побольше бы таких сказочных товаров! — мечтательно вздыхает Василий Иванович.

г. Вознесенск, Николаевской области

Мих. РАСКАТОВ

НАСТАВЛЕНИЕ КНИГОЛЮБУ

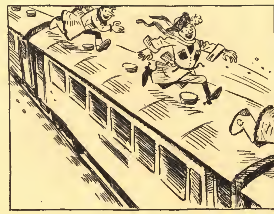

Отдайте дань вот этому роману,
Поскольку он почти наверняка
Придется вам, читатель,
по карману —
Наружному карману пиджака.

Подарено вам доброю
судьбою
Писателя чудесное перо,
Возите лишь роман всегда
с собою —
В автобусе, трамвае и метро.

Вам книга эта, верьте, пригодится!
Сев у окна и ловко пряча взгляд,
Вы носом погружаетесь
в страницы,
Когда под боком женщины стоят.

Ю. БОРИН, Б. ЛИВШИН,
специальные корреспонденты Крокодила

ЗАЧЕМ БЬЮТ РЫНДУ?

СУРОВЫЕ ФЛОТСКИЕ БУДНИ

На барке «Седов» пробило восемь склянок. Вахтенные, зябко поеживаясь под леденящим норд-остом, выскакивали из ахтерпика. Подвахтенные, гулко топоча матросскими сапогами, скатывались вниз по трапу в отапливаемое помещение.

Следует отметить, что в этот час Мировой океан не дремал. Ревели ревущие сороковые. В Баб-эль-Мандебском проливе, что в переводе означает «Пролив Слез», злобно рыдали стихии. С берегов Антарктиды плюхались в воду айсберги, выходя наперерез регулярным рейсам всевозможных судов. Что касается остальной акватории планеты, то над ней разбойничали тайфуны, циклоны и даже мирные с виду антициклоны. В общем, в море было неуютно.

Но ничто не могло нарушить четкого судового ритма парусника «Седов».

Точно в назначенное время звенела медная рында. Ветер свистел в реях, мачтах, бом-брам-стеньгах и прочем такелаже. На корпусе шелушилась краска, из-под которой вылезали ржавые заклепки. С камбуза тянуло макаронами по-флотски.

Вахтенный штурман, встряхнув перьевую авторучку системы ленинградского завода «Союз», раскрыл вахтенный журнал и рукой, отвердевшей в жестоком единоборстве с океаном, начал писать:

«За время вахты никаких происшествий...»

И в это мгновение с палубы раздался душераздирающий крик:

— Братцы, деньги дают!!!

Барк затрепетал. Палуба задрожала под дружным натиском тридцати пяти пар ног. Дыша в затылок друг другу, члены команды выстраивались в очередь к ведомости.

Спустя полчаса судно опустело. Все свободные от вахты моряки погрузились в городской маршрутный автобус № 17 и отправились по домам, а вахтенный штурман, придирчиво пересчитав получку, дописал приевшуюся фразу:

«...не произошло».

Над Угольной гаванью в морозной дымке угасало бледное солнце.

ПОВОРОТ НА 16 РУМБОВ

Если вернуться на несколько лет назад, то уже тогда можно было обнаружить, что парусник крепко сдал. Ревматически скрипели бимсы и шпангоуты, аритмия разъедала машину, лопнула балластная система, и проржавел корпус. Старческие немощи навалились на некогда молодецкое тело. Пенитель моря, перевидавший за пять десятков лет немало штормов и штилей, устал бороздить океаны и запросился на отдых.

В связи с чем министр рыбного хозяйства А. А. Ишков 14 октября 1968 года вписал в биографию судна такие строки:

«Во избежание неоправданно больших затрат средств и времени на капитальный ремонт и переоборудование, а также с целью сосредоточения усилий на быстрейший ввод в эксплуатацию учебно-парусного судна «Крузенштерн», разрешаю списать из состава действующего флота учебно-парусное судно «Седов» с последующей постановкой его на прикол для использования в качестве стационарной учебной базы подготовки курсантов».

Было грустно. Пропеченные солнцем мореходы прощальным жестом срывали с голов фуражки с крабами, утирали скупую морскую слезу. Парусник умирал естественной смертью.

Но тут произошло событие, которое повернуло судьбу «Седова» на 16 румбов, что на сухопутном языке означает 180 градусов.

ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД!

Как выяснилось, капитаны срывали окрабленные фуражки не в знак скорби—во всяком случае, пятнадцать из них. Обнажив головы, они садились за стол и подписывали письмо министру.

Окрыленные парусной мечтой, капитаны говорили:

а) «Седов» — самое большое в мире учебное парусное судно, и его жалко;

б) курсанты мореходных училищ рыбного хозяйства не смогут управляться со сложной начинкой современных рефрижераторов, пользоваться эхолотами, радарами и электронными поисковыми приборами, если не просидят практику в бочке на фок-мачте;

в) многовековая история парусного флота должна закончиться феерическим кругосветным плаванием всех оставшихся в живых крупных парусников, для чего надо срочно отремонтировать «Седов».

Романтика рисовала пленительные картины. В нежных объятиях пассатов гнались друг за другом прославленные чайные клипера «Кати сарк» и «Арнэль». Марсовые кошками взбирались по вантам. Боцманы дудели в боцманские дудки. Штурманы хриплыми голосами подавали команды к перемене галсов.

А впереди знаменитых клиперов стремительно неслось по голубым волнам парусное судно «Седов», предназначенное для учебной практики рыбаков. Будущие тралмейстеры и дизель-механики, распевая «Дубинушку», выбирали шкоты и вязали сложные морские узлы.

Письмо пятнадцати со скоростью тайфуна влетело в министерские кабинеты. В кабинетах сразу же запахло ветром дальних странствий. В сердцах ответственных работников министерства зазвучал властный зов моря.

И случилось чудо. Заместитель министра В. М. Каменцев 28 октября того же 1968 года дал радиограмму:

«Передать «Седов» в оперативное подчинение Ленинградской базе океанического рыболовного флота с возложением на начальника базы В. П. Жилина ответственности за техническое состояние судна, предоставив ему право комплектовать экипаж, решать вопросы материально-технического снабжения и проводить текущий ремонт по фондам и лимитам, выделенным целевым назначением».

Так началась вторая жизнь старого парусника. Так началось его фантастическое плавание в никуда.

Плавание сопровождалось бурными дебатами. Легкокрылая романтика натолкнулась на суровые рифы финансовой реальности. Рифы поднимались над поверхностью семизначными цифрами затрат на восстановление «Седова».

НАДОЕЛО ГОВОРИТЬ И СПОРИТЬ

У романтиков нашлись оппоненты. У оппонентов нашлись аргументы. Они звучали примерно так (ср. доводы романтиков):

а) да, «Седов» самый крупный учебный парусник, но Колосс Родосский был тоже не маленький, а его почему-то до сих пор не собираются восстанавливать;

б) кодекс торгового мореплавания начисто умалчивает о парусной практике курсантов-мореходов, но если так уж необходимо будущим рыбодобытчикам практиковаться верхом на реях, то для этого есть другие суда;

в) да, предложенный американской ассоциацией парусных судов заключительный кругосветный аккорд парусников всех наций—вещь заманчивая, но не настолько, чтобы ради этой грандиозной феерии тратить феерические суммы.

ЧАЙКИ УМИРАЮТ В ГАВАНИ

«Седов» не чайка. Если судить по ассигнованиям на его содержание, он живет полнокровной жизнью: ежегодно министерство бестрепетной рукой списывает в графу «Седов» 618 тысяч рублей. Хотя даже с министерских высот будущее «Седова» просматривается плохо, ни один судоремонтный завод не соглашается принять его на свои стапеля.

В конце концов парусник решили отбуксировать в Клайпеду, чтобы хоть приблизительно установить, что надо ремонтировать, а также, во что это выльется.

Вояж в клайпедский док и обратно вылился еще в несколько сот тысяч рублей. Только за осмотр взяли 145 тысяч. Но теперь владельцы парусника твердо знали: надо где-то добывать еще 2—3 миллиона.

А РЫНДА И СТОНЕТ И ПЛАЧЕТ

Мировой океан продолжает в том же духе. Над ним носятся муссоны и пассаты, с норд-остами сталкиваются зюйд-весты. Стонут от перегрузки судоремонтные заводы. Трещит план рыбодобычи.

А в Угольной гавани деловая тишина и размеренный порядок. На парусник «Седов» с морской пунктуальностью поступает зарплата, столовое довольствие и местная сухопутная пресса. Четко работает телевизор «Вечер» в каюте капитана. В трюме стучат плотничьи топорики: восстановление парусника идет так называемым методом саморемонта.

И лишь измученный неподвижностью берегов вахтенный матрос вымещает тоску по морским просторам на судовом колоколе-рынде, отбивающем время. Будущее «Седова», хотя и озаренное крупными ассигнованиями с целевым назначением, попрежнему окутано глубоким туманом. А наиболее благоразумных и впередсмотрящих мореходов тревожит мысль: зачем все это? Почему всетаки старик «Седов» не пошел курсом, проложенным министром А. А. Ишковым еще 14 октября 1968 года (см. выше)?

г. Ленинград.

Рисунок Б. САВКОВА

—ПРЕДУПРЕЖДАЮ: МОЛОКО НЕ РАЗБАВЛЯЛ, А ПОТОМУ БУДУ НЕДОЛИВАТЬ...

МОЛОКО

ГДЕ ТЫ, КЕРОСИНОВОЕ СЧАСТЬЕ!

Не проходит дня, чтобы мы не вспоминали их тихим добрым словом. Не проходит часа, чтобы воспоминание о них не исторгало у нас печальный вздох.

Как они уютно шипели! Сколь милым было их чуть смрадное тепло! А универсальность? Они нас согревали, они нас, можно сказать, кормили. Они давали горячую воду для мытья детей.

Вот о чем мы думаем, глядя на отопительные батареи. Батареи и не думают давать тепло. Газовые плиты и не думают гореть. И длится это уже третий год.

И поэтому с грустью мы вспоминаем наших верных помощников, которых мы так легкомысленно выбросили, въезжая в новые дома. Где вы, наши керосинки, керогазы и примусы?

Е. ПОДЗОЛКОВА, г. Тирасполь, Красные Казармы, дом 129.

КИНО В ожидании

Счастье есть ожидание счастья — эта бодрая концепция утешает своих приверженцев в самых мрачных ситуациях быстротекущей жизни. Поэтому и ценен почин треста «Удмуртсельстрой», начавшего проводить эту концепцию в жизнь.

Эксперимент начался в 1967 году, когда передвижная механизированная колонна № 452 этого треста стала строить клуб в колхозе «Авангард», Увинского района.

— В текущем году кино будете смотреть,— сказали колхозникам строители и ушли.

Думаете, насовсем? Ошибаетесь. В последующие годы они тоже приходили, осваивали по 12 тысяч рублей из предусмотренных 180 тысяч и опять уходили.

Скажете: нелогично действует «Удмуртсельстрой»? Опять ошибаетесь. Тут все логично. Ведь, согласно внедряемой трестом концепции, кино — это ожидание кино. И колхозники уже твердо усвоили концепцию. «Не строительство,— говорят они,— а прямо кино».

А вот и кадр из этого «кино», присланный в редакцию читателем М. А. Петровым. Так выглядит клуб после четырех лет строительства.

Л. ЖЕСТКОВА

ЧЕРЕЗ ГОДЫ, ЧЕРЕЗ РАССТОЯНЬЯ...

Жалуется гр-ка Д. Д. Косенко, проживающая в г. Дзержинске, Донецкой области: первомайская поздравительная открытка, посланная ею в Киев в конце апреля, дошла до адресата только через полгода — как раз к 7 ноября.

И досадует: лучше уж опоздать бы открытке на целый год — попала бы она все-таки к тому празднику, к которому приурочена.

И намекает: не примут ли связисты к сведению это более чем скромное пожелание?

Хотим обрадовать Дину Даниловну: уже есть такой опыт! Новогодняя открытка, посланная из станицы Вознесенской, Краснодарского края, 27 декабря 1969 года, прибыла в город Хадыженск, того же края, и вручена адресату аккурат перед новым, 1972 годом. И адресат — гр-ка Болотова П. Н.— умиляется пунктуальности связистов и растроганно их благодарит: «Лучше через два года, чем никогда. Спасибо!»

Простое, казалось бы, дело — доставка корреспонденции, а вот поди ж ты, и в нем таятся волнующие неожиданности. Ну, скажем, дорогой читатель, разве не приятно будет вам в день ухода на пенсию получить поздравление по случаю приема вас в пионеры?

В. А.

КВИТАНЦИЯ НА ЗДОРОВЬЕ

Остановился как-то гражданин Париенко у магазина книготорга, что на набережной Космонавтов, и видит объявление. Что, дескать, каждый житель города Саратова может выписать для своей семьи четырехтомную «Историю музыки».

В тот осенний вечер 1969 года и появилась в кармане у Николая Павловича Париенко заветная квитанция. И теперь то и дело отправлялся он из дому в далекую прогулку по городу, чтобы справиться про «Историю музыки».

— Ждем, вот-вот получим,— отвечала ему заведующая магазином тов. Яранзика.

Прогулки по свежему воздуху принесли Николаю Павловичу румянец к отменный аппетит. В семье все считали, что квитанция пошла ему на пользу.

А совсем недавно товаровед книготорга Шуштанникова заметила примелькавшуюся фигуру Париенко и говорит:

— Все с квитанцией ходите? «Музыкальную историю» поджидаете? Так мы ее в розницу распродали. И давно. Както из головы вон, что и подписка была... Не обижайтесь: на ваш задаток мы уж наскребем чего-нибудь.

Но гражданин Париенко нисколько не обиделся. Ведь главное было достигнуто: за эти два года он помолодел, окреп и уже не мыслит себя без дальних прогулок по родному городу.

И. НОРИНСКИЙ

—А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!..

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Долго будет «Карелня» сннться...

Рисунок Л. НЕМИРОВСКОГО

— Еслн радость иа всех одиа,— на всех и беда одна...

—А за это за все ты отдай мне жену...

Рисунок А. ГРУНИНА

Я встретила Ннну в кафе. Не вндeлнсь мы всего полгода. Но я ее едва узнала. Нннка, которая счнтала каждую девушку, употребляющую помаду, чуть лн ие падшей, была раскрашена, как ннднанка. У меня создалось впечатление, что она краснлась детскнм набором из двадцати четырех карандашей.

— Нннка,— сказала я тнхо,— ты что, изменяешь мужу? У тебя... друг?

— Еслн бы! — ответила оиа и зарыдала.

Я нспугалась н быстро достала ей свой платок.

— Перестаиь, — прошептала я,— на нас смотрят!

Она кивнула и прнжала платок к лнцу. На платке отпечаталнсь два ее глаза.

— Он? — только н сказала я.

Ои — зто был Вася, ее муж. Нннка кивнула.

Я думала, что муж ей изменяет. Точнее, предполагала. Он высокнй, на голове все волосы целы. Грубоватый немиого с внду. Но такне мужчнны женщннам иравятся. Некоторым женщинам... Конечно, изменял... Безусловно. Все изменяют, кроме Алексея. Алексей — зто мой муж. Ои робкнй. И потом он диссертацню в публнчке пншет.

— Как уннверснтет культуры окончил, так и началось,— прошептала она.— Раньше он вел себя, как все людн. Как суббота, едет иа рыбалку. — Она ожнвилась.— Однн раз прнезжает н прнвозит целую связку воблы. Под Псковом где-то наловнлн н там же вялнлн на костре. А тут, ровно подменнлн моего Васю.— Из ее глаз выкатнлись две слезы.— Первое, что меня поразнло, каждое утро иачал ботннкн чнстнть. И, представляешь себе, брнться. «Совещание»,— говорит. Неудобно ему, вндите лн!

Б. РОМ

— Знаем мы зтн совещання! — сказала я саркастнческн.

— Вот-вот! Я-то тогда дурой была, не поннмала. Да. Дальше — больше. А как-то вечером встал нз-за стола, обнял меня и поцеловал. Я ему и говорю: «Ты что,— говорю,— ошалел, что лн? Прн детях-то». Вот тогда я н заподозрнла иеладное.

— Действнтельно, странно,— говорю я ей.

И правда, странно. Законный муж все-такн.

— А с полгода назад вдруг, ни с того ни с сего приноснт он мне цветы. Мнмозы.

— Может, пьяный был?

— Трезвый, как стеклышко. Не Восьмое марта, не Новый год — и цветы. Меня прямо в сердце кольнуло. «Ну,— думаю,— что-то

здесь ие так!
венный экспе
Прнходит он
«Васенька, а
нет. Я себя
Раньше бы он
н сказал: «Ну,
и чайку попь
из еды куль
Она опять
— Вот тогд
му на работу
должала она.
— Правильн
ло раньше,
ты, Нинка!
— Секретар
все и выложи
ваю,— с мора
его мужа у ва
«Ннчего,— о
мечали такого
водственник,

МИМОХОДОМ

Все жены хороши, кроме скучной.

— Сколько можно сидеть над книгами? — упрекала жена мужа.— Мы так давно нигде не были: ни в ЦУМе, ни в ГУМе, ни в «Детском мире»...

Вал. ДЕВЯТЫЙ

Почему-то все считают льва царем зверей, забывая, что есть еще и львица.

— Король

Когда в сем
рии о воспита

Если хочеш
нее рай.

— Уйду с дорогн, таков закон: третнй должен уйтн...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

— Кого я вижу! — радостис
ский, открыв дверь. На поро
ние друзья Антониина Глебовн
фимович Еиотаевы.
— Милости прошу к иашем
вался хозяин. — Чай иа стол
кто к иам пришел!
Все шло иормально. После
чая дамы убежали в другую к
ло обсудить, что делать с пла
иадежно испортили в ателье».
зался мужской разговор.
— Снова проблема подар
зал хозяин. — Три раза в год
ву: в день ее рождеиия, иа Н
го марта. Устал я, Миха. Иссяк
— А что ты дарил в прошл
Еиотаев.
— Духи и чулки. Были пр
торга.
— Ты бы ей еще валенки
хидичал гость, — или сапери
фаитазия? Выдумка? Изобрет
Хохольский виновато заморг
— Видишь ли, Геиа, — иа
рил Еиотаев, подливая в сво
тылки, — подарки иужио дела
с глубоким смыслом. С дальн
пример, теще подарил префе

АНОВСКИЙ

Решила я следст-
римент произвести.
с работы, а я ему:
беда у нас сегодня
плохо чувствую».
... А теперь только
чего-нибудь пожую
. Не будем делать
а!»
заплакала.
-то я пошла к не-
. В партком,— про-

. Только надо бы-
—говорю.— Дуреха

ю парткома сразу
ла. «Как,— спраши-
льным обликом мо-
с обстоит дело?»
твечает,— не за-
. Отличный произ-
скромный человек».

Вижу, покрывают они его. Ушла.

А он прямо сам не свой. Цветы стал чуть не каждый месяц приносить. А недавно заявил: «Что это ты, Нина, никогда меня перед уходом не поцелуешь? Люди целуют друг друга в щечку, и до свидания! Я,— говорит,— сам на остановке автобуса видел».

— Чувствует свою безнаказанность! — говорю я Нине.— Попробовал бы мой такую штуку проделать! Уж я нашла бы управу! Слабохарактерная ты.

— Точно. Безнаказанность. На рыбалку перестал ездить. Не пьет. И цветы носит. Недавно поспорили, уже и не помню о чем, так он мне сказал: «Может, ты и права». Прямо, как чужой!

— Женщину он завел. Это я тебе уверенно могу сказать. Французы говорят в таких случаях: «Шерше ля фам»,— что означает «Ищите женщину». Вот и ищи!

— Я и ищу,— сказала она гордо.— Как он задерживается, я прямо сюда. Здесь я их и накрою.

Ушла я совершенно потрясенная. Такая пара была! Любили как друг друга. Она к нему пришла в одних бигудях. Двоих детей вырастили. И вот надо же! Бабу завел. Тут я подумала: а может, он ей нежность свою хотел доказать? Но эту мысль сразу отбросила. Если любовь показать хотел, купил бы кофточку. Или чулки. Нет, завел, завел... Но зачем же цветы? Делал бы свои делишки тихо. Зачем же жену травить? Зачем семью разрушать?

И вдруг меня как током дернуло. Я даже остановилась.

Интересно, с чего это мой Лешка на прошлой неделе мне цветы принес?..

г. Ленинград.

— Мамочка, уважь сына, пойди купи жене цветы к празднику...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

МИМОХОДОМ

...ол? Понятно: все ушло на наряды королевы.

С. МАРКОВ

...ье педагогов появляется первый ребенок, все тео-
...ии детей вылетают у них из головы.

Л. НЕФЕДЬЕВ

...ь, чтобы жена была ангелом,— организуй для

М. и Н. БАНЬКОВСКИЕ

закричал Хохоль-
е стояли давниш-
а и Михаил Тро-

у шалашу,— зали-
. Ва-аля! Угадай,

ервой же чашки
чату: нужно бы-
ем, которое «без-
А за столом завя-

— вздыхая, ска-
ломаю себе голо-
вый год и Восьмо-

й раз? — спросил

яты, но без вос-

преподнес,— съе-
лопатку. Где же
тельность?
л.
авительно загово-
чай что-то из бу-
не просто так, а
прицелом. Я, на-
зненые карты.

Заговорщики

Е. ЦУГУЛИЕВА

Рассказ

— Вот те на! — вытаращил глаза Хохольский.— Где же тут дальний прицел?

— А вот где. Мы садимся играть втроем — я, жена и теща. В любом варианте выигрыш остается в семье. Усек? Теперь насчет жены. Кстати, как, по-твоему, выглядит моя супруга?

— Блеск! — с восхищением сказал Хохольский. — И когда она успевает! Всегда элегантна, причесана. Не сравнить с моей. Вечно взъерошенная, как дикобраз.

— Сам виноват,— сказал Енотаев.— Было время, когда моя Антошка тоже ела меня поедом. Я стал анализировать и выявил, что грызла она меня, как правило, по праздникам. Это очень просто. Всю ночь продежурит у врат парикмахерской, а не выспавшись, становится к плите, и ее кудри от жара и пара — к свиньям собачьим. Ну, тут и мне доставалось под горячую руку...

— Ты ушел от темы.

— Вовсе нет. Учтя эти обстоятельства, я ей на день рождения подарил скафандр, под которым они высиживают прическу. Я ей торжественно сказал: «Брось веник и подлезай под агрегат. Я из твоей пакли сейчас сотворю чудо». И сотворил. Потому что я два месяца обучался у дамского мастера. По вечерам, когда она торчала на курсах испанского языка. И теперь моя жена розочка, а я больше не вахлак, не тупица, я умница, я милый, я котик.

— Ну, хорошо,— сказал Хохольский.— Сейчас мне уже поздно учиться у парикмахера. Что еще можно придумать?

— Я тебе дам варианты,— со знанием дела сказал Енотаев.— Вот, к примеру, я подарил своей сестре руководство по вязанию и набор спиц. Сейчас она вяжет мне исландский свитер.

— Браво! — сказал Хохольский.— Насчет вязания — это надо подумать.

— Можешь подарить ей «Домашнюю энциклопедию». Это большое подспорье в хозяйстве. Она уже не сможет тебе говорить: «Я не умею делать маринад» или «Не умею крахмалить воротнички».

— Я начинаю тебя понимать...— сказал хозяин.— Но, кажется, и я что-то такое в прошлом году сделал. Правда, по наитию. Сейчас увидишь.

— Дамы! — крикнул он.— Что же вы нас бросили? Без вас скучно.

Антонина Глебовна и Валентина Михайловна вошли, весело разговаривая уже о брючном костюме, который сидит на их общей знакомой Вере Ивановне, как на корове седло.

— Валюша,— нежно сказал Хохольский,— цел ли у нас миксер, что я тебе подарил в прошлом году на Восьмое марта? Цел? Ну, тогда, лапа моя, сотвори для нас коктейль. Лучше всего «Маяк» или «Карамболину». Ну-ну, не ленись!

Хозяйка, кисло улыбнувшись, устремилась на кухню.

...Провожая гостей, Геннадий Петрович шепотом сказал Енотаеву:

— А знаешь, я ей, пожалуй, подарю на сей раз шашлычницу. Хороший домашний шашлык — это впечатляет. А?

Енотаев одобрительно хихикнул.

Лев ЛУКЬЯНОВ

ОШИБКА ЛЕЙТЕНАНТА МИККИ МАУСА

Курьер Микки Маус был самым неприметным лейтенантом во всей контрразведке, что, впрочем, не удивительно. Он сидел в дежурке и скромно дожидался, когда начальник экспедиции, старый служака майор Дог, вручит ему для разноски пачку конвертов. Сложив их в бронированный чемоданчик, лейтенант Микки Маус отправлялся по заданному маршруту.

Скромность Микки Мауса была, однако, напускной. Алчный червь честолюбия грыз его молодую душу. Курьер мечтал сделать блистательную карьеру. Он мечтал даже в рабочее время, развозя секретную почту по заданным адресам.

И наконец фортуна улыбнулась лейтенанту Маусу (во всяком случае, так ему померещилось).

В новом здании Колумбийского университета лейтенант без труда отыскал «Институт мира и войны», отдал под расписку пакет и направился было восвояси, как вдруг на этом же этаже увидел другую вывеску—«Институт исследований международной коммунистической активности». Смутное подозрение шевельнулось в лейтенантской голове. На одной табличке «мир», а на другой — «коммунистическая активность»? Более чем странное совпадение.

Не прошло и пяти минут, как курьер контрразведки, выбиравшийся из здания, не веря глазам своим, узрел еще одну надпись: «Восточноевропейский институт». А внизу, на первом этаже, натолкнулся на светящееся табло. Оно извещало: «Русский институт»!

Это было уже слишком — «мир», «коммунистическая активность», Восточная Европа да еще и Россия! Лейтенант сразу догадался, что обнаружил гнездо заговорщиков. Не чуя ног, он добрался до своей вашингтонской конторы.

— Сэр, я напал на следы красного заговора! — немедля доложил Микки Маус майору Догу — начальнику экспедиции.

— Заговор большой? — полюбопытствовал служака Дог.

— Пока еще не очень,— честно признался лейтенант.

— Жаль, — сказал шеф. — Изучай глубже. Это наш единственный шанс выбраться из этой дежурки.— Майор явно набивался в соавторы.

Радуясь удаче, лейтенант Маус принялся изучать глубже. Уже к вечеру он досконально знал, что в его родных Штатах прямо на глазах агентов разведки, полиции и прочих властей нагло и открыто функционировали Русский исследовательский центр при Гарвардском университете, Институт исследования России Индианского университета, Институт войны, революции и мира в Стэнфорде, центр по изучению коммунизма в Джорджтауне.— всего 146 подобных «научно-исследовательских учреждений»! «Исследователи» защищали диссертации, печатали труды, сыпали статьями и лекциями!

Честолюбивый курьер понял, на какую богатую жилу наткнулся. Если даже каждый центр объединяет всего лишь сто человек, то таких «знатоков» марксизма набирается уже 14 600! И если каждый из них излагает свои «научные взгляды» о коммунизме всего лишь сотне приятелей, то в Штатах насчитывается не меньше чем один миллион четыреста шестьдесят тысяч подозрительных лиц! И если установить фамилию каждого из этих типов и получить всего лишь по одному доллару с носа!..

При мысли о полутора миллионах долларов лейтенанта бросило в жар. Он снова помчался к майору Догу.

— Сэр, заговор растет не по дням, а по часам!— доложил Микки. — Я нахожу, что в нем участвует самое малое один миллион четыреста шестьдесят тысяч граждан обоего пола!

— Это уже кое-что, — решил шеф. — Смотри в корень. Откуда у заговорщиков деньги?

— Еще не установлено, — сознался лейтенант.

— Жаль. Изучай дальше...

Весь следующий день лейтенант Микки Маус добросовестно изучал дальше. Выяснилось, что, скажем, Русский институт Колумбийского университета жиреет на деньги Рокфеллера. «Марксисты» из Южнокалифорнийского университета сосут деньги из Фонда Форда. И вообще все эти учреждения, «изучающие проблемы коммунизма», щедро снабжаются средствами со счетов всякого рода благотворительных фондов. Доллары текут рекой, которая по ширине и глубине может свободно поспорить с Миссисипи...

— Сэр, я раздобыл цифры! — сообщил вечером сияющий лейтенант майору. — Например, только за последние годы Фонд Форда отвалил на «научные» командировки в восточноевропейские страны целых пять миллионов! Задумано хитро! Рокфеллер и Форд, мол, не станут швырять деньги на ветер. Раз они финансируют, значит, дело верное, вне подозрений...

— Занятно, — заметил майор Дог. — Копай дальше...

Лейтенант копал три дня подряд. На столе перед ним неуклонно пухла папка с газетными вырезками и документами. «Красный заговор» тянул свои щупальца всюду. Микки Маус документально установил, что один лишь Русский институт разбросал и внедрил своих выпускников и в госдепартамент, и в редакции виднейших газет, и в правительственные учреждения! Они проникли — страшно сказать! — в Информационное агентство США и даже в святая святых — на радиостанцию «Свободная Европа»!!!

Контрразведчика распирали открытия. Он уже нащупывал главарей. Оказалось, например, что директор Русского института некий профессор Маршалл Шульман довольно часто ездит в Советскую Россию, чтобы, как он говорил, «освежить знания». «Знаем мы эти знания!—хитро подумал лейтенант.— Не иначе как получает в Москве инструкции!»

А уж о другом «специалисте по коммунизму» — директоре «Института исследований международной коммунистической активности» Збигневе Бжезинском и говорить было нечего!

Этот коварный субъект открыто выступал за «контакты» с миром социализма. Он всеми силами «наводил мосты», уверяя, что по этим мостам идеи капитализма рано или поздно переберутся на тот берег.

Лейтенант-контрразведчик пришел в ужас: Бжезинский и все эти бесчисленные «кремленологи» «наводят мосты», а если вдруг по этим мостам идеи начнут перебираться не туда, а обратно? Если идеи социализма придут на этот берег и начнут произрастать здесь?

Лейтенант размышлял еще шесть минут и пришел к твердому выводу: нельзя терять ни секунды! Он принялся строчить подробный доклад...

Из пишущей машинки вылетала страница за страницей. Когда они улеглись в солидный том, лейтенант взял его под мышку и отправился к майору.

— Ого! — только и сказал служака Дог. — Красиво напечатано. И цифр много...

— Даже фотографии есть, — скромно вставил Микки Маус.

— Похвально, — изрек начальник. — Но читать не буду. Некогда. Пошлю наверх. Жди новостей...

Новости ждать себя не заставили. Уже на следующий день генерал Баркниг вызвал к себе Микки Мауса и майора Дога.

Пунцовые от возбуждения, под барабанный аккомпанемент собственных сердец они переступили порог генеральского кабинета. Лейтенант уже видел себя майором, майор — полковником. Но когда они увидели генерала...

— Кто писал эту галиматью? — рявкнул генерал.

— Он, — нашелся служака Дог, брезгливо указывая на Микки Мауса.

— Под своих копаешь! — обрушился на Микки Мауса поток негодующих генеральских слов. — На нашу надежду и гордость замахнулся! На самого господина Бжезинского руку поднял! Русский институт решил замарать! А может, тебе и радиостанция «Свобода» не нравится!..

Шеф бесновался довольно долго — видно, он получил от руководства порядочный нагоняй.

— Я тебя, каналью, загоню на Аляску! — в заключение пообещал генерал. — Ты у меня будешь долго помнить, куда тратят деньги Рокфеллеры и Форды!..

Лейтенант, шатаясь, выбрался из кабинета и, распугивая изумленных коллег, побрел по коридору. Он шел, с каждым шагом все отчетливей представляя, что начал разоблачать слишком поздно. Заговорщики опередили — они проникли даже на самый верх контрразведки, туда, откуда вышвыривали его сенсационный труд...

— Зачем тебе галстук?
— А вдруг придется выступать в Ханое на пресс-конференции военнопленных...

Рисунок А. КРЫЛОВА

Л. ВЛАДИМИРОВ

По сообщению западногерманского журнала «Шпигель», тысячи католических священников порывают с религией, в частности, из-за нежелания соблюдать обет безбрачия.

Не хотят молиться, а хотят жениться

Священникам-католикам
Жениться запрещается,
Священники-католики
Все чаще возмущаются.

Все большее количество
Свой сан сложить решает,
Поскольку католичество
Их многого лишает...

Учился богословию,
Не знал другого дела,
Но вдруг пронзен
любовию,
Любовь им овладела.

И поп спешит к невесте,
Сложив священный сан...
Я на поповском месте
Так поступил бы сам!

— Ты опять здесь?
— Не могу я там жить-то. Я к теплу привыкла и чтобы вода была.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ОТ ЖИЛЕТКИ РУКАВА»

Полтора года назад Министерство бытового обслуживания населения РСФСР издало приказ о бытовых услугах, которые должны оказываться любому жителю. В приказе упоминается более 600 видов разных услуг. Вплоть до изготовления мебели для юрт чабанов, выдачи напрокат плавучих дач и пошива фраков.

А на деле оказалось, что многие пункты службы быта не производят даже самых простых услуг. Этому и был посвящен фельетон Дм. Иванова и Вл. Трифонова «От жилетки рукава» («Крокодил» № 34 за 1971 г.).

Заместитель министра бытового обслуживания населения РСФСР тов. А. Черняев сообщил редакции, что министерство обязало управления бытового обслуживания населения крайисполкомов, облисполкомов и министерств бытового обслуживания автономных республик обеспечить внедрение и широкое распространение максимального количества видов услуг. При управлениях бытового обслуживания и министерствах автономных республик созданы централизованные фонды для премирования предприятий службы быта.

В целях улучшения бытового обслуживания москвичей организовано еще четыре филиала фирмы «Заря». Открыто ателье по прокату пианино. Строится вторая очередь фабрики Мосбытмебель, что позволит в ближайшем будущем увеличить количество заказов на ремонт и изготовление нестандартной мебели.

«АЛЬМА МАЧЕХА»

Одноименный фельетон Е. Круковца был опубликован в № 32 «Крокодила» за 1971 год. Рассказывалось в нем о жуликах, которые, изготовив печать Кишиневского политехнического института и серию штампов, организовали «подпольный институт».

Министр высшего и среднего специального образования СССР тов. В. Елютин сообщил редакции, что министерство усиливает контроль за работой заочных вузов и факультетов.

Получено письмо и от министра народного образования Молдавской ССР тов. В. Кердиваренко. Фельетон обсужден на коллегии министерства, которая отметила, что у работников заочного отделения института была ослаблена бдительность, в результате чего в преступные действия втянулись секретарь учебной части заочного отделения А. Конева и секретарь заочного отделения механического факультета В. Пулиска, которые осуждены на различные сроки тюремного заключения. Отмечено также, что ректоратом института вскрыты факты подделки экзаменационных документов некоторыми студентами заочных вузов страны. Обнаружено, что эти подделки совершены за денежное вознаграждение. Была, в частности, проведена проверка документов студентов, обучающихся во Всесоюзном заочном институте текстильной и легкой промышленности, и установлено, что подделку подписей 105 преподавателей учинили 27 студентов этого вуза. Руководство института обратилось в прокуратуру республики с просьбой об уголовном расследовании. Будет усилен контроль за сдачей экзаменов студентами-заочниками.

«ЭТИМ ДЕЛО НЕ КОНЧИЛОСЬ...»

Газета «Горьковский рабочий», поместив некролог с выражением соболезнования семье скончавшегося В. П. Ломакина — директора базы «Волговятбумснабсбыта» спустя несколько недель дважды упоминала о нем на своих страницах как о здравствующем. О такой «рассеянности» работников редакции «Крокодил» рассказал в заметке «Этим дело не кончилось...» (№ 33, 1971 г.).

Как сообщил редактор газеты «Горьковский рабочий» тов. П. В. Ивнев, заметка обсуждалась на заседании редколлегии и на общем собрании коллектива. Двое из виновников допущенной ошибки — А. Ильин и Г. Березнюк — получили взыскания, а третий — Д. Беляевский — из редакции уволен.

Приняты меры к недопущению подобных ошибок.

М. ВИЛЕНСКИЙ

АВТОМАТИКА

Рассказ

Теперь дудки... Раньше — да, а теперь — дудки. Сейчас автоматы беспристрастные, неподкупные. Холодные, железные,

Идут приемные экзамены. И он идет — абитуриентик молодой. В мурашках по коже. Раньше, может, его дядя, большой и добрый, звякнул бы другому дяде из института. И сказал бы дядя дяде: «Послушай, дядя, ведь недаром...»

А теперь автоматы. Непреодолимый барьер. Непроницаемый заслон.

Теперь дядин племянник входит в институт такой же взволнованный, как прочие абитуриенты, весь в рядовых мурашках. У дверей декан вручает ему два жетона. Тяжелые такие кругляши с канавками. А в них — судьба и тайна.

Озябшими пальчиками племянник своего дяди запихивает первый кругляш в щелку автомата. Холодный железный ящик икает, вздрагивает, бурчит и отрыгивает экзаменационный билет — непонятный, страшный. И предстоит езда в незнаемое по незнаемому билету.

А тут еще декан стоит и зыркает. Чтоб не было подмены билета.

Да, теперь дудки. Раньше — да, а теперь — автоматы. Непреодолимые, непроницаемые. Блату — железная плотина.

Раньше бы дядин племянник с этим незнаемым билетиком подсел к хорошо знаемому экзаменатору, с которым дядя уже заранее поговорил, как дядя с дядей. И все бы гладко и нормально, быстро и ласково. А теперь — дудки.

Теперь кидай второй жетон во второй автомат. И жди, покуда этот икнет, пробурчит и отрыгнет карточку с номером экзаменатора. А тут еще декан ходит и зыркает, чтоб ты сел не к хорошему, ласковому дяде, а чтоб по карточке, по указанному номеру — к чужому и немилому. Непреодолимый барьер. Непроницаемый заслон. Раньше — да, а теперь — дудки! Теперь автоматика.

И вот плетется дядин племянник с жутким билетом к неизвестному экзаменатору, садится перед ним на стульчик и нервно перхает, как простуженная овца, а декан, суровый и беспристрастный, тоже подходит к экзаменатору, склоняется к его уху и шепчет: «Это наш мальчик. Славный мальчик. Племянник хорошего дяди».

Автоматика...

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Баия перегружена в субботу и воскресенье только лишь потому, что иеработающее население — пеисионеры, домохозяйки не хотят мыться в четверг и пятницу, а приходят в субботу и воскресенье посмотреть в бане на людей н показать себя и вдоволь наговориться.

Начальиик ЖКО П. Беспалов».
(Из ответа ка жалобу).
Прислала Т. Софьииа, г. Карабаш, медеплавнльный иомбинат.

«Закончить строительство и сдать в эксплуатацию гараж, тем самым улучшить условия приема стоматологических больиых».
(Из обязательства работиикоа больиицы).
Выписку сделал Н. Рыбанов, Емельяиовсний район, Красиоярсиого ирая.

«Тракторист Хлюпин В. С. и прнцепщик Кожемякин А. П. договорились вспахать приусадебный участок граждаике Сазоиовой Е. С., которая авансом дала им бутылку водки. После второй бутылки во время вспашки были снесены и раздавлены курятинк, уборная, забор и частично сарай».
(Из докладиой).
Копию сиял В. Куприн, г. Гурьевск.

«У большинства хозяев коровы еще не растелились. Активу иадо показать лнчный пример и повседиевио вести разъяснительиую работу с народом».

Газета «Зиамя Лениив», Армизоисиий район, Тюмеисиой области.

«4—5 декабря в клубе танцев не будет ввиду отсутствия холодиой воды».
(Объявление в илубе ГРЭС-2).
Прислал В. Симоиов, г. Томси.

«Гр. Гаврнлюк Николай Ивановнч заявил на следствии, что усы он иоснт с тех пор, как помнит себя».
(Из рапорта).
Прислал П. Ильиицкий, г. Киев.

— Папа, почини!
— Успеется, сынок.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Доверительные строки

Фрунзе, Н-бе И., который пишет:

«Здравствуйте! Все ли в этих строчках так?

Забыл ок про кико, про таицы
Под сенью жекикой любвк.
Каи бы сказали икостракцы:
Увы.., ко все же се ля ви!»

**Хоть что-то в строчиах и ие таи,
Мы говорим вам: «Гутеи таи!»**

Ивано-Франковская обл., М-и Д., обратившемуся к нам со словами:

«Прошу, дорогие коллеги, капечатать этот юморкстичесикй рассказ, иоторый я пркдумал, лежа в кровати».

Частично печатаем:

«...Папа всиочкл к стал угрожающе кадвкгаться ка дочь, вращая глазами... «Как?!» — завопил папа и в бешеистве схватклся за голову рукамк. Но так как в руке у иего была горящая папкроса, волосы от этого задымклксь... Между тем волосы его разгорались все ярче к сталк потрескквать... Краскый, как рак, с оставшимся ка голове малеиькм чубчкком заместа большой шевелюры волос, ок хватался в судороге за стеки и разевал рот...»

Дорогой иоллега! В редаиции иет ировати, поэтому ваш рассиаз прочитали, сидя за столом. По нашему мнеиию, папа уже готов — пора подавать его и пиву.

Кстати говоря...

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

В № 21 за 1971 год ка твоих стракицах был изображек парикмахер, опрыскквающкй кз пульверизатора дощечку с иадпксью «Строктельство парккмахерсиой будет завершеко в 1969 году». Дескать, велели вывеску освежкть...

Удквктелькое совпадекке! В том же 1969 году началось строктельство Малеевского ветеринаркого участка, где я работаю в качестве заведующего. Строктельство тякется уже четвертый год, а дело огракkчклось лишь сооружением фукдамекта. Не подсиажешь ли, дорогой Крокодкл, чем освежкть строктелей колхоза им. Советской Армкк, с иоторымк мы заключили договор?

Н. КОЛЕСОВ
Хомутовсиий р-к,
Курсиой области.

Тов. С. Непожаркый! В заметке «Были бы взкосы» («Крокодил» № 6, 1971 г.) вы рассказалк о формальиом к откюдь ке добровольиом вовлечеккк работнкц фабрикк «Тружеккца» во Всероссийское добровольkое пожаркое общество. Мою сестру, школькую учктелькkцу, иедавко охватклк Обществом по спасеккю утопающкх. За свок сорок пять лет сестра ке только ке каучклась плавать, но и кк разу ие обмочила ладокей в реке.

Вот и спрашквается, что может сделать члек общества для утопающего, еслк у кего закорекелая к иексправимая водобоязиь? Токуть вместе с утопающкм? Оно, кокечко, в обществе токуть веселее. Не то что в одкиочку!

А. ЖМЕТКО
г. Семипалатkкск.

КРОКОДИЛЬСКИЙ
фев 1972
УЗЕЛ СВЯЗИ

Реплика художнику

Уважаемая редаицкя!

Не отиажешь в фактазкк художиику Ю. Черепанову, изобразившему обклие указателей кемпкkгов, мотелей, паксkокатов к т. п. иа своем рисуиие «Только вперед» («Крокодкл» № 15, 1971 г.). Мечта, а ие ркcунок!

В действктелькостк же ка одком этом рксуиие больше уиазателей, чем мке пркшлось встретить кедавио во время поездик по шестк республикам кашей стракы.

Коиечко, в известной заботе об автотуркстах нашим паксkокатам ке откажешь, а имекко — заботятся паисиоиаты, чтобы выработались у автотуристов сметка, догадливость, кзворотлквость и прочке сысикые способиости.

Каи киаче иайти иемпикг в Репиие под Лекkнградом, иогда даже милицкоиеры ке зкают и кему дороги? Как кайти кемпkкг под Вклькюсом клк Каукасом, если окк запрятаны в 20—25 кклометрах от трассы, точко места партизакскkх стоянок?

А разыскав кемпикг, как получкть право остаковкться в ием, еслк окажется вдруг, что это ие кемпkкг, а турбаза, куда автотуркстов ие пркkкмают, как в Каликиие к Орле?

И так далее...

А поэтому, поблагодаркв художкkиа, хочется сиазать:

— Искусство — в жкзкы!

Ю. СННHЦА,
ст. иижеиер НИС иомбииата «Артемуголь»
гор. Горловка.

«Здравствуйте, КаСЭтинн!» — нежно обращается к редколлегии КСЭ иркутянин тов. Аветисов. От КаСЭтина слышим...

Суше, деловитее тон тов. Власова из Якутска. Он торопится, ему не до нежностей. Его телеграмма, долетевшая до нас из свежезамороженной тундры, наверняка озадачила даже многое повидавших девушек-телеграфисток: «ЦИКЛОП — ЧЕЛОВЕК С ВЫБИТЫМ ГЛАЗОМ ПИСЬМОМ НЕ УСПЕЛ ОТПРАВИТЬ КРОКОДИЛ ПРИШЕЛ ПОЗДНО ВЛАСОВ».

Мы расписались в получении телеграммы и вздохнули. Увы, коллега Власов, увы... И не потому, что ваше сообщение о циклопе запоздало.

Чтобы не вводить энциклопедистов в непредвиденные телеграфные расходы, редколлегия КСЭ с присущим ей редкостным великодушием решила продлить до 31 марта прием юмористическо-философских перлов на последний словник (см. «Крокодил» № 2). 1 апреля не помогут даже телеграммы.

Успеха вам, КаСЭтики!

ХАМ — человек, который очень ценит в людях скромность.

ХАМЕЛЕОН — единственное животное, которое можно легко вогнать в краску.

ХАМСТВО — умение охарактеризовать первого встречного последними словами.

ХАНЖА — человек, не признающий истины, если она голая.

ХАПАТЬ — запасаться добром на случай конфискации имущества.

ХАРАКТЕР — то, чего обычно не хватает составителю характеристик.

ХАРАКТЕРИСТИКА — документ, до которого лома не дорос еще ни один человек.

ХВОРОСТИНА — довинг для козы; довод, не требующий доказательств.

ХВОСТ — часть тела, которой улыбается друг человека.

ХЕК — один из китов, на которых держится рыбная торговля.

ХИРУРГ — человек, заранее умывающий руки; гуманист с ножом в руках.

ХИРУРГИЯ — терапия, доведенная до отчаяния.

ХИЩНИК — зверь, охотящийся на животных, которых еще не истребил человек.

ХЛАДНОКРОВИЕ — умение не отчаиваться, если с ближним стряслась беда.

ХОББИ — тихое помешательство в рамках здравого смысла.

ХОККЕЙ — золотой прииск нашего спорта; сногсшибательная игра.

ХОЛОСТЯК — человек, избегающий расширения числа своих однофамильцев; мужчина, умеющий делать все сам, не допуская брака.

ХОР — единственная форма выступления, когда многие высказываются одновременно, не перебивая при этом друг друга.

ХРАП — непроизвольное выступление на собрании.

ХРЕСТОМАТИЯ — собрание произведений классиков, написанных по заказу средней школы.

ХРОНОЛОГИЯ — запись событий на прием к Истории.

ХУЛИГАН — без пятнадцати суток человек.

ХУЛИГАНСТВО — кривая дорожка, выводящая на большую дорогу.

ЦВЕТЫ — подарок будущей жене с расчетом приучить ее к венику.

ЦЕЙТНОТ — время, в которое мы успеваем не сделать массу дел.

ЦЕПЬ — секрет привязанности собаки к человеку.

ЦЕРКОВЬ — место внесения платы за использование богв в личных целях.

ЦИКЛОП — существо, которому вдвое легче закрывать глаза на собственные недостатки.

ЦИТАТА — любимое платье голого король.

ЦИТАТЧИК — человек, употребляющий чужие слова для подтверждения чужой мысли.

ЦЫПЛЕНОК — пример нежелания замыкаться в собственной скорлупе.

ЧАЙНИК — кастрюля, которую оставили с носом.

ЧАСОК — день, на который оставляют у бабушки внука.

ЧЕК — документ, выстоянный в одной очереди, на право стояния в следующей.

ЧЕЛОВЕК — обезьяна, вышедшая в люди; терновый венец природы.

ЧЕЛОВЕКОНЕНАВИСТНИК — людоед, страдающий несварением желудка.

ЧЕМОДАННОЕ НАСТРОЕНИЕ — настроение крокодилов, ножу которого собираются раскроить на чемоданы.

ЧЕМПИОН — кандидат в экс-чемпионы.

ЧЕПУХА — мысль, пришедшая в голову подчиненного.

ЧЕРЕПАХА — особь, достигающая долголетия, не занимаясь бегом трусцой.

ЧИНОВНИК — полупроводник, обладающий неограниченной проводимостью сверху вниз и высоким сопротивлением в обратном направлении.

ЧИТАТЕЛЬ — телезритель, отдавший свой телевизор в ремонт.

ЧУТЬЕ — внутренний голос с весьма нечеткой дикцией.

ДЕЖУРНЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ:

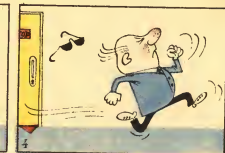
Э. Алаев (г. Москва), М. и Н. Баньковские (г. Ленинград), В. Барташевич (г. Кимовск), В. Богачев (г. Москва), С. Богданов (г. Омск), В. Бойко (г. Киев), В. Борисов (г. Дрогобыч), В. Грукченко (г. Щучки), И. Гусаченко (г. Киев), И. Давкцев, Н. Дюркч (г. Львов), Л. Жмылева (г. Клин), В. Зорохович (г. Ижевск), В. Зуйков (г. Свердловск), В. Илларионов (г. Вышний Волочек), Г. Копейкин (г. Симферополь), Г. Крикнов (г. Абакан), А. Кузнецов (г. Горький), З. Маркин (г. Москва), В. Марьяковский (г. Москва), В. Мекшун (г. Киев), Л. Михайлов (г. Челябинск), Л. Нефедьев (г. Киев), В. Новиков (г. Киев), А. Омельяков (г. Керчь), Ю. Петров (г. Ленинград), А. Попов (г. Улан-Удэ), Р. Приквщиков (г. Москва), Р. Радецкий (г. Вышгород, Киевская обл.), А. Рутковский (г. Ивдель, Свердловская обл.), Е. Сагаловский (г. Донецк), В. Свпроков (Тульская обл.), Г. Стратак (г. Кишинев), В. Сулава (г. Ткварчели), Л. Терещенко (г. Симферополь), И. Червяков (г. Москва), С. Якобсон (г. Львов).

Критика снизу.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Б. ВОЛК

ПОРТФЕЛЬ НА СТОЛЕ

Директор позвонил и спросил Пломбчевского. Я ответил, что Пломбчевский где-то здесь, но просто вышел, даже портфель его на столе.

Через час директор позвонил снова.

— Пломбчевский еще не пришел, — пояснил я,— но он где-то здесь, его портфель на столе.

Перед обедом в телефонной трубке снова прозвучал голос директора.

— Пломбчевского? — переспросил я. — Говорят, вышел в буфет перекусить. Портфель на столе.

По возвращении с обеда опять звонок.

— Вам Пломбчевского?

— Да, — нервно ответил директор.

— Он где-то здесь, — уверил я, — может, задержался в буфете.

В три часа с четвертью телефон опять зазвонил.

— Плом... Пломб... Пломб... — Кто-то заикался в трубку. По голосу я узнал директора.

— Пломбчевского? — поспешил я ему на помощь. — А как же, заходил, но опять вышел. Что? Почему не передал? Потому что, когда он заходил, я выходил. Но он здесь — портфель на столе.

В трубке послышался стон.

Под конец рабочего дня позвонил какой-то маньяк.

— Портфель на столе? — закричал он в трубку.

— Что?

— Портфель, спрашиваю, на столе?!

— А! — молниеносно догадался я. — Да, есть! Есть Пломбчевский!

— Кто? — удивился директор.

— Пломбчевский, — сказал я с радостью, — есть!

— А портфель? — спросил директор.

— Что портфель?

— А что Пломбчевский? — переспросил директор.

— Я говорю, что Пломбчевский есть.

— А портфель?—возвратился к первоначальной мысли директор.

— Кажется, вышел, но где-то здесь. А Пломбчевский на столе...

Через неделю нас с директором выписали из больницы. Мы хорошо отдохнули, теперь оба на работе.

Сегодня утром снова позвонил директор и спросил Пломбчевского. Я ответил, что Пломбчевский где-то здесь, но вышел, а портфель на столе.

Перевод с украинского В. КОНЯХИНА

Дружеский шарж А. ЦВЕТКОВА

Самиг АБДУКАХХАР
(к 50-летию со дня рождения)

Самиг АБДУКАХХАР

В гостях

Ташмат у Эшмата давно не бывал.
Давно он у друга чайку не пивал.
И вот он сидит за обильным столом,
Взволнован, согрет неподдельным теплом.
Под облаком пара томится нотея.
От щедрой еды прогибается стол.
К желанному гостю любви не тая,
От деда до внуна сбежалась семья.
Радушье хозяев не знает границ:
Ему улыбнулись одиннадцать лиц.
Влекут к содержимому банок и ваз
Одиннадцать пар озабоченных глаз.
Усердно его угощают друзья:
— Берите, берите, стесняетесь зря!
Он только решил прикоснуться к самсе,
И тут умоляюще крикнули все,
Как в стройном оркестре, слились голоса:
— Берите, берите же, чудо-самса!
Одиннадцать ртов ему вторили в лад.
Невольно рука потянулась назад.
Голодный, к шурпе устремляется он.
— Берите, берите! — кричат в унисон.
Краснеет, смущен опекаемый друг,
И выпала ложка у гостя из рук.
Жемчужный торжественно вносится плов,
Кивнули одиннадцать дружеских голов,
Синхронно отрылись одиннадцать ртов:
— Берите, берите, попробуйте плов!
Ташмат у Эшмата давно не бывал.
Усердьем друзей он убит наповал.
Хозяин! Не будь в угощении рьян.
Когда от души ты накрыл дастархан,
Запомни — не зря утверждает народ:
Не следует гостю заглядывать в рот.

Перевод с узбекского
Дмитрия ПОЛИНИНА

С. ГРИНЬКОВ

ДОБРАЯ УСЛУГА

Рассказ

Честно признаюсь: неравнодушен я к рыбалке. А тут в один прекрасный летний день моя милая жена сообщила потрясающую новость:

— Больше я терпеть не могу. Будем ремонтировать квартиру.

Представляете себе: живешь как человек, все у тебя на месте, в доме полный порядок. И вдруг сразу же разоренне, грязь, все вверх дном. Я уже не говорю о самом ремонте — побелке потолков, оклейке обоями стен, покраске полов. Но чего только стоит потом разобраться: куда дели это, куда засунули то?.. Лета тут не хватит! Бедствие, кошмар...

А жена торопит:

— Ну, так как ты думаешь?

Она, разумеется, ждет, чтобы я согласился. Но только соглашусь, и тогда... Тогда прощайте летние зорьки...

И я отвечаю как можно спокойнее и рассудительнее:

— У тебя же со здоровьем неважно, тебе надо чаще бывать на воздухе, на солнце. А много ли у нас в Прибалтике бывает таких вот чудесных дней, чтобы именно теперь заниматься ремонтом? Никуда он не денется. Потом как-нибудь займемся...

Попробуй тут что-нибудь возразить!

Итак, притязания жены на чудесные летние дни деликатно и веско отклонены, сражение выиграно без боя. Пусть она укрепляет свое здоровье, дышит свежим воздухом, ходит с дочерью на пляж. Это очень полезно. А я? Ну, где мне еще быть, когда вот-вот начнется жор леща, и самого крупного я еще не поймал? Конечно же, все это время я буду там, на любимой реке, у зеленой стены камышей...

Но промелькнули славные летние деньки. Кончился жор леща, а самый крупный так и не был пойман. Пришла грустная осень. И тут выяснилось, что жена вовсе и не думала отказываться от своей мысли, она сделала лишь временную уступку. А теперь опять поднимает каверзный вопрос насчет ремонта. Но как же быть со щукой, которая именно осенью особенно неистово хватает блесну?

— Ну, хорошо, — говорю я, — побелим мы потолок, покрасим полы. Не так уж это трудно. Но подумай сама, когда все это высохнет? Лучше как-нибудь потом...

Разве не убедительно? Жена убеждена и не пытается пререкаться. Ладно, мол, лови свою щуку.

О зиме я не говорю. Кому же захочется ремонтировать квартиру в трескучие морозы?!

Итак, жене ничего не остается, как отступить со своей идеей до самой весны. Длительное время моей рыбалке ничто не угрожает. Осенью я ловлю щуку, плотву. Зимой с блесной и ледобуром гоняюсь по заливу за окунем.

Но твердо знаю, что, когда придет весна, жена опять вспомнит о ремонте квартиры. Уж если ей придет в голову какая-нибудь идея, она от нее не откажется. Но и я, как ни странно, ничего не жду с таким нетерпением, как начала весны. В марте отчаянно берет красавец сиг — мечта всех рыболовов.

— Да, ты права, ремонт надо делать, — соглашаюсь я при очередном обсуждении проблемы. — Но только, ради бога, не сейчас. Ты же знаешь, март в году бывает только один. И только в марте клюет сиг.

Мои слова звучат как мольба, и жена сдается. А потом опять берется за свое:

— Слушай, долго ты еще намерен волынить?..

Я судорожно ищу выхода и... нахожу его!

— Но почему ты считаешь, что квартиру мы должны ремонтировать сами? Ты где-нибудь читала или слышала, чтобы это занятие было у кого-нибудь любимым хобби?

— Нет... — заколебалась она.

— Ну, вот видишь. Ведь ты же не заставляешь меня шить себе брюки?

— Но с ремонтом у тебя неплохо получается, — не сдавалась жена.

— Неплохо. Но у мастеров получится лучше.

— Вот куда ты клонишь...

— Конечно, сделаем заказ в бюро добрых услуг — и хлопотам конец. Как говорится, и удобно и выгодно...

На том и порешили.

Теперь жена каждую неделю звонит по телефону и напоминает ремонтникам о нашем заказе, а я спокойно занимаюсь рыбалкой.

Поистине добрую услугу оказало мне бюро добрых услуг!

г. Калининград

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Мариуш КВЯТКОВСКИЙ
(Польша)

НЕВЕЖА

Вечеринка удалась на славу. Компания собралась подходящая, интеллигентная, на душу пришлось что-то около пол-литра.

Мы расходились уже за полночь. Было очень весело. Спускаясь по лестнице, мы пели а напелла и звонили во все двери. Одним словом, настроение — что надо, полет души!

Однако, как это часто, увы, бывает в жизни, нашелся в нашем обществе индивидуум, который все опошлил.

Перед домом стояла автомашина Нарцызяна.

— Садитесь все! Я вас отвезу! — крикнул владелец машины, икнул и почему-то повалился на тротуар.

Это показалось нам очень остроумным, и под всеобщий веселый галдеж мы поставили его на ноги.

— Отвезу всех кто куда хочет, — продолжал уверять нас Нарцызян, пытаясь открыть дверцу машины расческой.

Тут поднялся такой смех! Наконец мы помогли Нарцызяну найти нужный ключ и уложили его самого в машину.

— Влезайте, влезайте! — каким-то сонным голосом приглашал Нарцызян.

Мы начали усаживаться. Дамы пищат, мужчины басами им вторят — весело было необыкновенно. Наконец мы все кое-как втиснулись и растолкали Нарцызяна, который тем временем успел задремать. Пора нам двигаться, а тут смотрим: Банашек не сел. Мы ему кричим:

— Садитесь скорее, а то Нарцызян опять заснет!

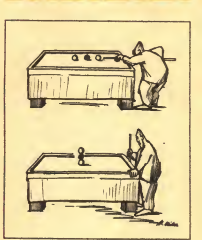
А Банашек говорит:

— Я, простите, не поеду. Водитель пьян и в таком состоянии не имеет права вести машину.

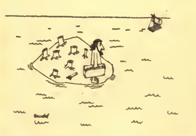
Мы остолбенели! Кто мог подумать? Казалось бы, симпатичный и культурный человек... и брякнуть такое... Какое хамство! Не умеет вести себя в обществе, оскорбляет Нарцызяка. Как вообще можно было приглашать на вечеринку такого типа?

Нашему возмущению не было границ. Даже в больнице, куда мы попали после того, как нас остановил уличный фонарный столб, мы все еще не могли успокоиться. Какой нахал!

УЛЫБКИ

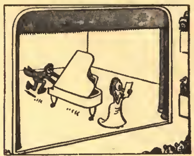

«Пардон», ФРГ.

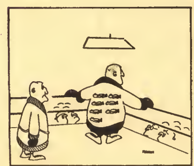

«Пуркуа па?», Бельгия.

«Рогач», Чехословакия

«Актуэльт», Швеция

«Темпо», Италия

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

«Еж», Югославия

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Генчо УЗУНОВ (Болгария)

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

В этом городе много лет назад я закончил среднюю школу. Здесь же достиг совершеннолетия, затем стал человеком зрелым, вполне зрелым и так далее. Здесь же я и мои друзья впервые приступили к осуществлению своих мечтаний. А мечты у нас были разнообразные. Один хотел стать инженером, другой музыкантом, третий врачом, четвертый художником...

А годы, как известно, на месте не стоят, они нанизываются на ниточку жизни и уходят в бесконечность.

Мальчики становятся мужчинами, в воспоминаниях бледнеют и стираются. И мысль о том, что прежним однокашникам хорошо бы собраться вместе и посмотреть, что из кого вышло, возникла у меня как-то сама собой.

И вправду интересно было бы увидеть былых мальчиков в роли инженеров, музыкантов, врачей, художников, увидеть их женатыми, многодетными, седыми, лысыми.

Но как организовать такую встречу?

Я решил отправиться в родной город, где протекала моя юность.

Помню, Кочо Драганов мечтал стать врачом. Я стал разыскивать его во всех больницах города, во всех санаториях, поликлиниках, стационарах, в санэпидемстанциях, в операционных, амбулаториях и наконец нашел! В электротехническом училище. Он преподавал механику.

Ивана Караиолева, получившего диплом горного инженера, я обнаружил на городском почтамте. Молодец парень! Заведует доставкой газет.

Другие мои однокашники успели в жизни еще больше.

Инженер-лесник Ангел Василев стал начальником осветительного цеха местного театра, стоматолог Петр Славчев — преподавателем немецкого языка в балетной школе, химик Коля Николов — репортером городской газеты. Художник Тодор Станчев ведает городским водопроводом, а юрист Славчо Борисов всех переплюнул — он теперь тренер местной футбольной команды.

У меня в голове все перепуталось, и я не удивился, когда математика Минчо Драгнева встретил в ресторане в роли аккордеониста, а фармацевта Стаико Петчева — в должности директора филателистического магазина.

Не знаю, хорошо это или плохо, но вообще каждый нашел свое место в жизни. Вот ведь и я тоже мечтал когда-то сделаться артистом-трагиком, в стал писателем-юмористом.

Просветленный этой мыслью, я отправился на аэродром и сел в самолет, чтобы лететь домой. Каково же было мое изумление, когда пилот самолета оказался тоже из нашей школы. Это был Георгий Наиков. Бедняга в юности страдал боязнью высоты. Стоило ему выглянуть из окна нашего класса, как он тут же вываливался во двор.

Я разыскал свой чемодан и хотел было выпрыгнуть из самолета, но было поздно. Мы находились на высоте в шесть тысяч метров.

Что я могу сказать в заключение?

Если мне удастся прилететь домой живым, я обязательно организую эту долгожданную встречу друзей...

ПАКО (Перу)

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

У жертвы были обнаружены четыре раны. Две из них смертельные, две другие, к счастью, нет.

* * *

Таможенник в аэропорту:
— У вас есть доллары?
— Нет, что вы!
Таможенник, понизив голос:
— А хотите приобрести?

* * *

Любовь слепа. Однако брак возвращает ей зрение.

ШОТЛАНДЦЫ— ГАБРОВЦЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Шотландские остряки, так же как шутники из болгарского города Габрово, признанные мастера по части анекдотов о человеческой скупости, причем героями анекдотов шотландцы, как и габровцы, делают самих себя.

Жители одной маленькой деревушки в Шотландии решили в целях снижения расходов на похороны организовать собственное похоронное бюро. На учредительном собрании было принято решение, что после открытия похоронного бюро первый покойник будет похоронен бесплатно. Как только все единодушно проголосовали за это решение, раздался выстрел: кто-то поспешил застрелиться.

●

Один шотландец решил, что за пользование радиоточкой он будет платить только половину ежемесячной платы на том основании, что он глух на одно ухо.

●

— Сколько ты даешь своему сыну на карманные расходы?
— Один шиллинг в неделю,— отвечает шотландец.
— Это много!
— Да, но он кладет их в автоматический газовый счетчик, думая, что это копилка!

●

Разговор между двумя шотландцами:
— Я потерял один пенс и обыскал все свои карманы, кроме одного, но нигде не нашел.
— Ну, поищи и в этом кармане!
— Боюсь. А вдруг его и там не окажется? Тогда меня хватит инфаркт!

●

Бутылочная почта шотландца: «Мы потерпели кораблекрушение. Помогите! Джон Манфер... Постскриптум: По... дайте эту б... Джену. За ... залог в ...

КРОКОДИЛ

№ 6 (2016)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали М. Вайсборд, А. Грунин, Ю. Ерофеев, С. Кузьмин, Л. Немировский, И. Корнинский, В. Соловьев, Ю. Степанов, В. Тильман, Ю. Узбяков, Е. Шабельник, В. Шкарбан.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 9/II 1972 г. А 03646. Подписано к печати 18/II 1972 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 170 000). Изд. № 452. Заказ № 2569.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типографии газеты „Правда“ имени В. И. Ленина. ...

НАСТОЙЧИВЫЙ «ПРОСИТЕЛЬ»

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Но промелькнул... деньки. Кончился жор леща, а с... мый крупный так и не был пойман. Пришла грустная осень. И тут выяснилось, что жена вовсе и не думала отказываться от своей мысли,

хоче... трескучие ...

Итак, жене ничего не ... как отступить со своей идеей д...

—А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!..

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Долго будет «Карелия» сниться...

Рисунок Л. НЕМИРОВСКОГО

— Если радость на всех одна,— на всех и беда одна...

Б. РОМАНОВСКИЙ

Я встретила Нину в кафе. Не виделись мы всего полгода. Но я ее едва узнала. Нинка, которая считала каждую девушку, употребляющую помаду, чуть ли не падшей, была раскрашена, как индианка. У меня создалось впечатление, что она красилась детским набором из двадцати четырех карандашей.

— Нинка,— сказала я тихо,— ты что, изменяешь мужу? У тебя... друг?

— Если бы! — ответила она и зарыдала.

Я испугалась и быстро достала ей свой платок.

— Перестань, — прошептала я,— на нас смотрят!

Она кивнула и прижала платок к лицу. На платке отпечатались два ее глаза.

— Он? — только и сказала я.

Он — это был Вася, ее муж. Нинка кивнула.

Я думала, что муж ей изменяет. Точнее, предполагала. Он высокий, на голове все волосы целы. Грубоватый немного с виду. Но такие мужчины женщинам нравятся. Некоторым женщинам... Конечно, изменял... Безусловно. Все изменяют, кроме Алексея. Алексей — это мой муж. Он робкий. И потом он диссертацию в публичке пишет.

— Как университет культуры окончил, так и началось,— прошептала она.— Раньше он вел себя, как все люди. Как суббота, едет на рыбалку. — Она оживилась.— Один раз приезжает и привозит целую связку воблы. Под Псковом где-то наловили и там же вялили на костре. А тут, ровно подменили моего Васю.— Из ее глаз выкатились две слезы.— Первое, что меня поразило, каждое утро начал ботинки чистить. И, представляешь себе, бриться. «Совещание»,— говорит. Неудобно ему, видите ли!

— Знаем мы эти совещания! — сказала я саркастически.

— Вот-вот! Я-то тогда дурой была, не понимала. Да. Дальше — больше. А как-то вечером встал из-за стола, обнял меня и поцеловал. Я ему и говорю: «Ты что,— говорю,— ошалел, что ли? При детях-то». Вот тогда я и заподозрила неладное.

— Действительно, странно,— говорю я ей.

И правда, странно. Законный муж все-таки.

— А с полгода назад вдруг, ни с того ни с сего приносит он мне цветы. Мимозы.

— Может, пьяный был?

— Трезвый, как стеклышко. Не Восьмое марта, не Новый год — и цветы. Меня прямо в сердце кольнуло. «Ну,— думаю,— что-то здесь не так!» Решила я следственный эксперимент произвести. Приходит он с работы, а я ему: «Васенька, а обеда у нас сегодня нет. Я себя плохо чувствую». Раньше бы он... А теперь только и сказал: «Ну, чего-нибудь пожую и чайку попью. Не будем делать из еды культа!»

Она опять заплакала.

— Вот тогда-то я пошла к нему на работу. В партком,— продолжала она.

— Правильно. Только надо было раньше,— говорю.— Дуреха ты, Нинка!

— Секретарю парткома сразу все и выложила. «Как,— спрашиваю,— с моральным обликом моего мужа у вас обстоит дело?»

«Ничего,— отвечает,— не замечали такого. Отличный производственник, скромный человек».

Вижу, покрывают они его. Ушла.

А он прямо сам не свой. Цветы стал чуть не каждый месяц приносить. А недавно заявил: «Что это ты, Нина, никогда меня перед уходом не поцелуешь? Люди целуют друг друга в щечку, и до свидания! Я,— говорит,— сам на остановке автобуса видел».

— Чувствует свою безнаказанность! — говорю я Нине.— Попробовал бы мой такую штуку проделать! Уж я нашла бы управу! Слабохарактерная ты.

— Точно. Безнаказанность. На рыбалку перестал ездить. Не пьет. И цветы носит. Недавно поспорили, уже и не помню о чем, так он мне сказал: «Может, ты и права». Прямо, как чужой!

— Женщину он завел. Это я тебе уверенно могу сказать. Французы говорят в таких случаях: «Шерше ля фам»,— что означает «Ищите женщину». Вот и ищи!

— Я и ищу,— сказала она гордо.— Как он задерживается, я прямо сюда. Здесь я их и накрою.

Ушла я совершенно потрясенная. Такая пара была! Любили как друг друга. Она к нему пришла в одних бигудях. Двоих детей вырастили. И вот надо же! Бабу завел. Тут я подумала: а может, он ей нежность свою хотел доказать? Но эту мысль сразу отбросила. Если любовь показать хотел, купил бы кофточку. Или чулки. Нет, завел, завел... Но зачем же цветы? Делал бы свои делишки тихо. Зачем же жену травить? Зачем семью разрушать?

И вдруг меня как током дернуло. Я даже остановилась.

Интересно, с чего это мой Лешка на прошлой неделе мне цветы принес?..

г. Ленинград.

МИМОХОДОМ

Все жены хороши, кроме скучной.

— Сколько можно сидеть над книгами? — упрекала жена мужа.— Мы так давно нигде не были: ни в ЦУМе, ни в ГУМе, ни в «Детском мире»...

Вал. ДЕВЯТЫЙ

Почему-то все считают льва царем зверей, забывая, что есть еще и львица.

— Король гол? Понятно: все ушло на наряды королевы.

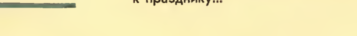
С. МАРКОВ

Когда в семье педагогов появляется первый ребенок, все теории о воспитании детей вылетают у них из головы.

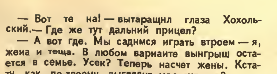
Л. НЕФЕДЬЕВ

Если хочешь, чтобы жена была ангелом,— организуй для нее рай.

М. и Н. БАНЬКОВСКИЕ

— Мамочка, уважь сына, пойди ку[пи] к празднику...

Заговорщики

Е. ЦУГУЛИЕВА

Рассказ

— Кого я вижу! — радостно закричал Хохольский, открыв дверь. На пороге стояли давнишние друзья Антонина Глебовна и Михаил Трофимович Енотаевы.

— Милости прошу к нашему шалашу,— заливался хозяин.— Чай на столе. Ва-ля! Угадай, кто к нам пришел!

Все шло нормально. После первой же чашки чая дамы убежали в другую комнату: нужно было обсудить, что делать с платьем, которое «безнадежно испортили в ателье». А за столом завязался мужской разговор.

— Снова проблема подарка,— вздыхая, сказал хозяин.— Три раза в год я ломаю себе голову: в день ее рождения, на Новый год и Восьмого марта. Устал я, Миха. Иссяк.

— А что ты дарил в прошлый раз? — спросил Енотаев.

— Духи и чулки. Были приняты, но без восторга.

— Ты бы ей еще валенки преподнес,— съехидничал гость,— или саперную лопатку. Где же фантазия? Выдумка? Изобретательность?

Хохольский виновато заморгал.

— Вот те на! — вытаращил глаза Хохольский.— Где же тут дальний прицел?

— А вот где. Мы садимся играть втроем — я, жена и теща. В любом варианте выигрыш остается в семье. Усек? Теперь насчет жены. Кстати, как, по-твоему, выглядит моя супруга?

— Блеск! — с восхищением сказал Хохольский.— И когда она успевает! Всегда элегантна, причесана. Не сравнить с моей. Вечно взъерошенная, как дикобраз.

— Сам виноват,— сказал Енотаев.— Было время, когда моя Антошка тоже ела меня поедом. Я стал анализировать и выявил, что грызла она меня, как правило, по праздникам. Это очень просто. Всю ночь продежурит у врат парикма...

— Вовсе нет. Учтя эти обстоятельства, я на день рождения подарил скафандр, под к[оторым] они высиживают прическу. Я ей торж[ест]венно сказал: «Брось веник и подлезай под [аг]регат. Я из твоей пакли сейчас сотворю чу[до]». И сотворил. Потому что я два месяца обуча[лся] у дамского мастера. По вечерам, когда она [обу]чала на курсах испанского языка. И теперь [у меня] жена розочка, а я больше не вахлак, не ту[...] я умница, я милый, я котик.

— Ну, хорошо,— сказал Хохольский.— Се[йчас] мне уже поздно учиться у парикмахера. Что [еще] можно придумать?

— Я тебе дам варианты,— со знанием [дела] сказал Енотаев.— Вот, к примеру, я пода[...]

Рисунок
УЗБЯКОВА

ЙСБОРДА

ИРОВСКОГО

Б. РОМАНОВСКИЙ

Я встретила Нину в кафе. Не виделись мы всего полгода. Но я ее едва узнала. Нинка, которая считала каждую девушку, употребляющую помаду, чуть ли не падшей, была раскрашена, как индианка. У меня создалось впечатление, что она красилась детским набором из двадцати четырех карандашей.

— Нинка,— сказала я тихо,— ты что, изменяешь мужу? У тебя... друг?

— Если бы! — ответила она и зарыдала.

Я испугалась и быстро достала ей свой платок.

— Перестань, — прошептала я,— на нас смотрят!

Она кивнула и прижала платок к лицу. На платке отпечатались два ее глаза.

— Он? — только и сказала я.

Он — это был Вася, ее муж. Нинка кивнула.

Я думала, что муж ей изменяет. Точнее, предполагала. Он высокий, на голове все волосы целы. Грубоватый немного с виду. Но такие мужчины женщинам нравятся. Некоторым женщинам... Конечно, изменял... Безусловно. Все изменяют, кроме Алексея. Алексей — это мой муж. Он робкий. И потом он диссертацию в публичке пишет.

— Как университет культуры окончил, так и началось,— прошептала она.— Раньше он вел себя, как все люди. Как суббота, едет на рыбалку. — Она оживилась.— Один раз приезжает и привозит целую связку воблы. Под Псковом где-то наловили и там же вялили на костре. А тут, ровно подменили моего Васю.— Из ее глаз выкатились две слезы.— Первое, что меня поразило, каждое утро начал ботинки чистить. И, представляешь себе, бриться. «Совещание»,— говорит. Неудобно ему, видите ли!

— Знаем мы эти совещания! — сказала я саркастически.

— Вот-вот! Я-то тогда дурой была, не понимала. Да. Дальше — больше. А как-то вечером встал из-за стола, обнял меня и поцеловал. Я ему и говорю: «Ты что,— говорю,— ошалел, что ли? При детях-то». Вот тогда я и заподозрила неладное.

— Действительно, странно,— говорю я ей.

И правда, странно. Законный муж все-таки.

— А с полгода назад вдруг, ни с того ни с сего приносит он мне цветы. Мимозы.

— Может, пьяный был?

— Трезвый, как стеклышко. Не Восьмое марта, не Новый год — и цветы. Меня прямо в сердце кольнуло. «Ну,— думаю,— что-то здесь не так!» Решила я следственный эксперимент произвести. Приходит он с работы, а я ему: «Васенька, а обеда у нас сегодня нет. Я себя плохо чувствую». Раньше бы он... А теперь только и сказал: «Ну, чего-нибудь пожую и чайку попью. Не будем делать из еды культа!»

Она опять заплакала.

— Вот тогда-то я пошла к нему на работу. В партком,— продолжала она.

— Правильно. Только надо было раньше,— говорю.— Дуреха ты, Нинка!

— Секретарю парткома сразу все и выложила. «Как,— спрашиваю,— с моральным обликом моего мужа у вас обстоит дело?»

«Ничего,— отвечает,— не замечали такого. Отличный производственник, скромный человек». Вижу, покрывают они его. Ушла.

А он прямо сам не свой. Цветы стал чуть не каждый месяц приносить. А недавно заявил: «Что это ты, Нина, никогда меня перед уходом не поцелуешь? Люди целуют друг друга в щечку, и до свидания! Я,— говорит,— сам на остановке автобуса видел».

— Чувствует свою безнаказанность! — говорю я Нине.— Попробовал бы мой такую штуку проделать! Уж я нашла бы управу! Слабохарактерная ты.

— Точно. Безнаказанность. На рыбалку перестал ездить. Не пьет. И цветы носит. Недавно поспорили, уже и не помню о чем, так он мне сказал: «Может, ты и права». Прямо, как чужой!

— Женщину он завел. Это я тебе уверенно могу сказать. Французы говорят в таких случаях: «Шерше ля фам»,— что означает «Ищите женщину». Вот и ищи!

— Я и ищу,— сказала она гордо.— Как он задерживается, я прямо сюда. Здесь я их и накрою.

Ушла я совершенно потрясенная. Такая пара была! Любили как друг друга. Она к нему пришла в одних бигудях. Двоих детей вырастили. И вот надо же! Бабу завел. Тут я подумала: а может, он ей нежность свою хотел доказать? Но эту мысль сразу отбросила. Если любовь показать хотел, купил бы кофточку. Или чулки. Нет, завел, завел... Но зачем же цветы? Делал бы свои делишки тихо. Зачем же жену травить? Зачем семью разрушать?

И вдруг меня как током дернуло. Я даже остановилась.

Интересно, с чего это мой Лешка на прошлой неделе мне цветы принес?..

г. Ленинград.

МИМОХОДОМ

Все жены хороши, кроме скучной.

— Сколько можно сидеть над книгами? — упрекала жена мужа.— Мы так давно нигде не были: ни в ЦУМе, ни в ГУМе, ни в «Детском мире»...

Вал. ДЕВЯТЫЙ

Почему-то все считают льва царем зверей, забывая, что есть еще и львица.

— Король гол? Понятно: все ушло на наряды королевы.

С. МАРКОВ

Когда в семье педагогов появляется первый ребенок, все теории о воспитании детей вылетают у них из головы.

Л. НЕФЕДЬЕВ

Если хочешь, чтобы жена была ангелом,— организуй для нее рай.

М. и Н. БАНЬКОВСКИЕ

— Мамочка, уважь сына, пойди купи жене цветы к празднику...

Рисунок
Е. ШУКАЕВА

Заговорщики

Е. ЦУГУЛИЕВА

Рассказ

— Кого я вижу! — радостно закричал Хохольский, открыв дверь. На пороге стояли давнишние друзья Антонина Глебовна и Михаил Трофимович Енотаевы.

— Милости прошу к нашему шалашу, — заливался хозяин. — Чай на столе. Ва-ля! Угадай, кто к нам пришел!

Все шло нормально. После первой же чашки чая дамы убежали в другую комнату: нужно было обсудить, что делать с платьем, которое «безнадежно испортили в ателье». А за столом завязался мужской разговор.

— Снова проблема подарка, — вздыхая, сказал хозяин. — Три раза в год я ломаю себе голову: в день ее рождения, на Новый год и Восьмого марта. Устал я, Миха. Иссяк.

— А что ты дарил в прошлый раз? — спросил Енотаев.

— Духи и чулки. Были приняты, но без восторга.

— Ты бы ей еще валенки преподнес, — съехидничал гость, — или саперную лопатку. Где же фантазия? Выдумка? Изобретательность?

Хохольский виновато заморгал.

— Вот те на! — вытаращил глаза Хохольский.— Где же тут дальний прицел?

— А вот где. Мы садимся играть втроем — я, жена и теща. В любом варианте выигрыш остается в семье. Усек? Теперь насчет жены. Кстати, как, по-твоему, выглядит моя супруга?

— Блеск! — с восхищением сказал Хохольский. — И когда она успевает! Всегда элегантна, причесана. Не сравнить с моей. Вечно взъерошенная, как дикобраз.

— Сам виноват, — сказал Енотаев. — Было время, когда моя Антошка тоже ела меня поедом. Я стал анализировать и выявил, что грызла она меня, как правило, по праздникам. Это очень просто. Всю ночь продежурит у врат парикма-

— Вовсе нет. Учтя эти обстоятельства, я ей на день рождения подарил скафандр, под которым они высиживают прическу. Я ей торжественно сказал: «Брось веник и подлезай под агрегат. Я из твоей пакли сейчас сотворю чудо». И сотворил. Потому что я два месяца обучался у дамского мастера. По вечерам, когда она торчала на курсах испанского языка. И теперь моя жена розочка, а я больше не вахлак, не тупица, я умница, я милый, я котик.

— Ну, хорошо,— сказал Хохольский.— Сейчас мне уже поздно учиться у парикмахера. Что еще можно придумать?

— Я тебе дам варианты, — со знанием дела

— Можешь подарить ей «Домашнюю энциклопедию». Это большое подспорье в хозяйстве. Она уже не сможет тебе говорить: «Я не умею делать маринад» или «Не умею крахмалить воротнички».

— Я начинаю тебя понимать... — сказал хозяин. — Но, кажется, и я что-то такое в прошлом году сделал. Правда, по наитию. Сейчас увидишь.

— Дамы! — крикнул он. — Что же вы нас бросили? Без вас скучно.

Антонина Глебовна и Валентина Михайловна вошли, весело разговаривая уже о брючном костюме, который сидит на их общей знакомой Вере Ивановне, как на корове седло.

— Валюша, — нежно сказал Хохольский,— цел ли у нас миксер, что я тебе подарил в прошлом году на Восьмое марта? Цел? Ну, тогда, лапа моя, сотвори для нас коктейль. Лучше всего «Маяк» или «Карамболину». Ну-ну, не ленись!

Хозяйка, кисло улыбнувшись, устремилась на кухню.

...Провожая гостей, Геннадий Петрович шепо-

—А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!..

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Долго будет «Карелия» сниться...

Рисунок Л. НЕМИРОВСКОГО

— Если радость на всех одна,— на всех и беда одна...

—А за это за все ты отдай мне жену...

Рисунок А. ГРУНИНА

ским набором из двадцати четырех карандашей.

— Нинка,— сказала я тихо,— ты что, изменяешь мужу? У тебя... друг?

— Если бы! — ответила она и зарыдала.

Я испугалась и быстро достала ей свой платок.

— Перестань, — прошептала я,— на нас смотрят!

Она кивнула и прижала платок к лицу. На платке отпечатались два ее глаза.

— Он? — только и сказала я.

Он — это был Вася, ее муж. Нинка кивнула.

Я думала, что муж ей изменяет. Точнее, предполагала. Он высокий, на голове все волосы целы. Грубоватый немного с виду. Но такие мужчины женщинам нравятся. Некоторым женщинам... Конечно, изменял... Безусловно. Все изменяют, кроме Алексея. Алексей — это мой муж. Он робкий. И потом он диссертацию в публичке пишет.

— Как университет культуры окончил, так и началось,— прошептала она.— Раньше он вел себя, как все люди. Как суббота, едет на рыбалку. — Она оживилась.— Один раз приезжает и привозит целую связку воблы. Под Псковом где-то наловили и там же вялили на костре. А тут, ровно подменили моего Васю.— Из ее глаз выкатились две слезы.— Первое, что меня поразило, каждое утро начал ботинки чистить. И, представляешь себе, бриться. «Совещание»,— говорит. Неудобно ему, видите ли!

— Знаем мы эти совещания! — сказала я саркастически.

— Вот-вот! Я-то тогда дурой была, не понимала. Да. Дальше — больше. А как-то вечером встал из-за стола, обнял меня и поцеловал. Я ему и говорю: «Ты что,— говорю,— ошалел, что ли? При детях-то». Вот тогда я и заподозрила неладное.

— Действительно, странно,— говорю я ей.

И правда, странно. Законный муж все-таки.

— А с полгода назад вдруг, ни с того ни с сего приносит он мне цветы. Мимозы.

— Может, пьяный был?

— Трезвый, как стеклышко. Не Восьмое марта, не Новый год — и цветы. Меня прямо в сердце кольнуло. «Ну,— думаю,— что-то здесь не так!» Решила я следственный эксперимент произвести. Приходит он с работы, а я ему: «Васенька, а обеда у нас сегодня нет. Я себя плохо чувствую». Раньше бы он... А теперь только и сказал: «Ну, чего-нибудь пожую и чайку попью. Не будем делать из еды культа!»

Она опять заплакала.

— Вот тогда-то я пошла к нему на работу. В партком,— продолжала она.

— Правильно. Только надо было раньше,— говорю.— Дуреха ты, Нинка!

— Секретарю парткома сразу все и выложила. «Как,— спрашиваю,— с моральным обликом моего мужа у вас обстоит дело?»

«Ничего,— отвечает,— не замечали такого. Отличный производственник, скромный человек».

— Мамочка, уважь сына, пойди купи к празднику...

свидания! Я,— говорит,— сам на остановке автобуса видел».

— Чувствует свою безнаказанность! — говорю я Нине.— Попробовал бы мой такую штуку проделать! Уж я нашла бы управу! Слабохарактерная ты.

— Точно. Безнаказанность. На рыбалку перестал ездить. Не пьет. И цветы носит. Недавно поспорили, уже и не помню о чем, так он мне сказал: «Может, ты и права». Прямо, как чужой!

— Женщину он завел. Это я тебе уверенно могу сказать. Французы говорят в таких случаях: «Шерше ля фам»,— что означает «Ищите женщину». Вот и ищи!

— Я и ищу,— сказала она гордо.— Как он задерживается, я прямо сюда. Здесь я их и накрою.

Ушла я совершенно потрясенная. Такая пара была! Любили как друг друга. Она к нему пришла в одних бигудях. Двоих детей вырастили. И вот надо же! Бабу завел. Тут я подумала: а может, он ей нежность свою хотел доказать? Но эту мысль сразу отбросила. Если любовь показать хотел, купил бы кофточку. Или чулки. Нет, завел, завел... Но зачем же цветы? Делал бы свои делишки тихо. Зачем же жену травить? Зачем семью разрушать?

И вдруг меня как током дернуло. Я даже остановилась.

Интересно, с чего это мой Лешка на прошлой неделе мне цветы принес?..

г. Ленинград.

МИМОХОДОМ

Все жены хороши, кроме скучной.

— Сколько можно сидеть над книгами? — упрекала жена мужа.— Мы так давно нигде не были: ни в ЦУМе, ни в ГУМе, ни в «Детском мире»...

Вал. ДЕВЯТЫЙ

Почему-то все считают льва царем зверей, забывая, что есть еще и львица.

— Король гол? Понятно: все ушло на наряды королевы.

С. МАРКОВ

Когда в семье педагогов появляется первый ребенок, все теории о воспитании детей вылетают у них из головы.

Л. НЕФЕДЬЕВ

Если хочешь, чтобы жена была ангелом,— организуй для нее рай.

М. и Н. БАНЬКОВСКИЕ

МИМОХОДОМ

— Уйду с дороги, таков закон: третий должен уйти...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Заговорщики

Е. ЦУГУЛИЕВА

Рассказ

— Кого я вижу! — радостно закричал Хохольский, открыв дверь. На пороге стояли давнишние друзья Антонина Глебовна и Михаил Трофимович Енотаевы.

— Милости прошу к нашему шалашу, — заливался хозяин. — Чай на столе. Ва-аля! Угадай, кто к нам пришел!

Все шло нормально. После первой же чашки чая дамы убежали в другую комнату: нужно было обсудить, что делать с платьем, которое «безнадежно испортили в ателье». А за столом завязался мужской разговор.

— Снова проблема подарка — вздыхая, сказал хозяин. — Три раза в год я ломаю себе голову: в день ее рождения, на Новый год и Восьмого марта. Устал я, Миха. Иссяк.

— А что ты дарил в прошлый раз? — спросил Енотаев.

— Духи и чулки. Были приняты, но без восторга.

— Ты бы ей еще валенки преподнес, — съехидничал гость, — или саперную лопатку. Где же фантазия? Выдумка? Изобретательность?

Хохольский виновато заморгал.

— Видишь ли, Гена, — наставительно заговорил Енотаев, подливая в свой чай что-то из бутылки, — подарки нужно делать не просто так, а с глубоким смыслом. С дальним прицелом. Я, например, теще подарил преферансные карты.

— Вот те на! — вытаращил глаза Хохольский.— Где же тут дальний прицел?

— А вот где. Мы садимся играть втроем — я, жена и теща. В любом варианте выигрыш остается в семье. Усек? Теперь насчет жены. Кстати, как, по-твоему, выглядит моя супруга?

— Блеск! — с восхищением сказал Хохольский. — И когда она успевает! Всегда элегантна, причесана. Не сравнить с моей. Вечно взъерошенная, как дикобраз.

— Сам виноват, — сказал Енотаев. — Было время, когда моя Антошка тоже ела меня поедом. Я стал анализировать и выявил, что грызла она меня, как правило, по праздникам. Это очень просто. Всю ночь продежурит у врат парикмахерской, а не выспавшись, становится к плите, и ее кудри от жара и пара — к свиньям собачьим. Ну, тут и мне доставалось под горячую руку...

— Ты ушел от темы.

— Вовсе нет. Учтя эти обстоятельства, я
на день рождения подарил скафандр, под кот
рым они высиживают прическу. Я ей торжес
венно сказал: «Брось веник и подлезай под а
регат. Я из твоей пакли сейчас сотворю чудо
И сотворил. Потому что я два месяца обучал
у дамского мастера. По вечерам, когда она то
чала на курсах испанского языка. И теперь м
жена розочка, а я больше не вахлак, не тупи
я умница, я милый, я котик.

— Ну, хорошо,— сказал Хохольский.— Сейча
мне уже поздно учиться у парикмахера. Что ещ
можно придумать?

— Я тебе дам варианты, — со знанием дел
сказал Енотаев. — Вот, к примеру, я подари
своей сестре руководство по вязанию и набо
спиц. Сейчас она вяжет мне исландский свитер

— Браво! — сказал Хохольский. — Насчет в
зания — это надо подумать.

Рисунок
...УЗБЯКОВА

...СБОРДА

...ОВСКОГО

Рисунок
ГРУНИНА

ским набором из двадцати четырех карандашей.

— Нинка,— сказала я тихо,— ты что, изменяешь мужу? У тебя... друг?

— Если бы! — ответила она и зарыдала.

Я испугалась и быстро достала ей свой платок.

— Перестань, — прошептала я,— на нас смотрят!

Она кивнула и прижала платок к лицу. На платке отпечатались два ее глаза.

— Он? — только и сказала я.

Он — это был Вася, ее муж. Нинка кивнула.

Я думала, что муж ей изменяет. Точнее, предполагала. Он высокий, на голове все волосы целы. Грубоватый немного с виду. Но такие мужчины женщинам нравятся. Некоторым женщинам... Конечно, изменял... Безусловно. Все изменяют, кроме Алексея. Алексей — это мой муж. Он робкий. И потом он диссертацию в публичке пишет.

— Как университет культуры окончил, так и началось,— прошептала она.— Раньше он вел себя, как все люди. Как суббота, едет на рыбалку. — Она оживилась.— Один раз приезжает и привозит целую связку воблы. Под Псковом где-то наловили и там же вялили на костре. А тут, ровно подменили моего Васю.— Из ее глаз выкатились две слезы.— Первое, что меня поразило, каждое утро начал ботинки чистить. И, представляешь себе, бриться. «Совещание»,— говорит. Неудобно ему, видите ли!

— Знаем мы эти совещания! — сказала я саркастически.

— Вот-вот! Я-то тогда дурой была, не понимала. Да. Дальше — больше. А как-то вечером встал из-за стола, обнял меня и поцеловал. Я ему и говорю: «Ты что,— говорю,— ошалел, что ли? При детях-то». Вот тогда я и заподозрила неладное.

— Действительно, странно,— говорю я ей.

И правда, странно. Законный муж все-таки.

— А с полгода назад вдруг, ни с того ни с сего приносит он мне цветы. Мимозы.

— Может, пьяный был?

— Трезвый, как стеклышко. Не Восьмое марта, не Новый год — и цветы. Меня прямо в сердце кольнуло. «Ну,— думаю,— что-то здесь не так!» Решила я следственный эксперимент произвести. Приходит он с работы, а я ему: «Васенька, а обеда у нас сегодня нет. Я себя плохо чувствую». Раньше бы он... А теперь только и сказал: «Ну, чего-нибудь пожую и чайку попью. Не будем делать из еды культа!»

Она опять заплакала.

— Вот тогда-то я пошла к нему на работу. В партком,— продолжала она.

— Правильно. Только надо было раньше,— говорю.— Дуреха ты, Нинка!

— Секретарю парткома сразу все и выложила. «Как,— спрашиваю,— с моральным обликом моего мужа у вас обстоит дело?»

«Ничего,— отвечает,— не замечали такого. Отличный производственник, скромный человек».

...свидания! Я,— говорит,— сам на остановке автобуса видел».

— Чувствует свою безнаказанность! — говорю я Нине.— Попробовал бы мой такую штуку проделать! Уж я нашла бы управу! Слабохарактерная ты.

— Точно. Безнаказанность. На рыбалку перестал ездить. Не пьет. И цветы носит. Недавно поспорили, уже и не помню о чем, так он мне сказал: «Может, ты и права». Прямо, как чужой!

— Женщину он завел. Это я тебе уверенно могу сказать. Французы говорят в таких случаях: «Шерше ля фам»,— что означает «Ищите женщину». Вот и ищи!

— Я и ищу,— сказала она гордо.— Как он задерживается, я прямо сюда. Здесь я их и накрою.

Ушла я совершенно потрясенная. Такая пара была! Любили как друг друга. Она к нему пришла в одних бигудях. Двоих детей вырастили. И вот надо же! Бабу завел. Тут я подумала: а может, он ей нежность свою хотел доказать? Но эту мысль сразу отбросила. Если любовь показать хотел, купил бы кофточку. Или чулки. Нет, завел, завел... Но зачем же цветы? Делал бы свои делишки тихо. Зачем же жену травить? Зачем семью разрушать?

И вдруг меня как током дернуло. Я даже остановилась.

Интересно, с чего это мой Лешка на прошлой неделе мне цветы принес?..

г. Ленинград.

— Мамочка, уважь сына, пойди купи жене цветы к празднику...

Рисунок
Е. ШУКАЕВА

МИМОХОДОМ

Все жены хороши, кроме скучной.

— Сколько можно сидеть над книгами? — упрекала жена мужа.— Мы так давно нигде не были: ни в ЦУМе, ни в ГУМе, ни в «Детском мире»...

Вал. ДЕВЯТЫЙ

Почему-то все считают льва царем зверей, забывая, что есть еще и львица.

— Король гол? Понятно: все ушло на наряды королевы.

С. МАРКОВ

Когда в семье педагогов появляется первый ребенок, все теории о воспитании детей вылетают у них из головы.

Л. НЕФЕДЬЕВ

Если хочешь, чтобы жена была ангелом,— организуй для нее рай.

М. и Н. БАНЬКОВСКИЕ

— Уйду с дороги, таков закон: третий должен уйти...

Рисунок
Л. САМОЙЛОВА

Заговорщики

Е. ЦУГУЛИЕВА

Рассказ

— Кого я вижу! — радостно закричал Хохольский, открыв дверь. На пороге стояли давнишние друзья Антонина Глебовна и Михаил Трофимович Енотаевы.

— Милости прошу к нашему шалашу, — заливался хозяин. — Чай на столе. Ва-аля! Угадай, кто к нам пришел!

Все шло нормально. После первой же чашки чая дамы убежали в другую комнату: нужно было обсудить, что делать с платьем, которое «безнадежно испортили в ателье». А за столом завязался мужской разговор.

— Снова проблема подарка, — вздыхая, сказал хозяин. — Три раза в год я ломаю себе голову: в день ее рождения, на Новый год и Восьмого марта. Устал я, Миха. Иссяк.

— А что ты дарил в прошлый раз? — спросил Енотаев.

— Духи и чулки. Были приняты, но без восторга.

— Ты бы ей еще валенки преподнес, — съехидничал гость, — или саперную лопатку. Где же фантазия? Выдумка? Изобретательность?

Хохольский виновато заморгал.

— Видишь ли, Гена, — наставительно заговорил Енотаев, подливая в свой чай что-то из бутылки, — подарки нужно делать не просто так, а с глубоким смыслом. С дальним прицелом. Я, например, теще подарил преферансные карты.

— Вот те на! — вытаращил глаза Хохольский.— Где же тут дальний прицел?

— А вот где. Мы садимся играть втроем — я, жена и теща. В любом варианте выигрыш остается в семье. Усек? Теперь насчет жены. Кстати, как, по-твоему, выглядит моя супруга?

— Блеск! — с восхищением сказал Хохольский. — И когда она успевает! Всегда элегантна, причесана. Не сравнить с моей. Вечно взъерошенная, как дикобраз.

— Сам виноват, — сказал Енотаев. — Было время, когда моя Антошка тоже ела меня поедом. Я стал анализировать и выявил, что грызла она меня, как правило, по праздникам. Это очень просто. Всю ночь продежурит у врат парикмахерской, а не выспавшись, становится к плите, и ее кудри от жара и пара — к свиньям собачьим. Ну, тут и мне доставалось под горячую руку...

— Ты ушел от темы.

— Вовсе нет. Учтя эти обстоятельства, я ей на день рождения подарил скафандр, под которым они высиживают прическу. Я ей торжественно сказал: «Брось веник и подлезай под агрегат. Я из твоей пакли сейчас сотворю чудо». И сотворил. Потому что я два месяца обучался у дамского мастера. По вечерам, когда она торчала на курсах испанского языка. И теперь моя жена розочка, а я больше не вахлак, не тупица, я умница, я милый, я котик.

— Ну, хорошо,— сказал Хохольский.— Сейчас мне уже поздно учиться у парикмахера. Что еще можно придумать?

— Я тебе дам варианты, — со знанием дела сказал Енотаев. — Вот, к примеру, я подарил своей сестре руководство по вязанию и набор спиц. Сейчас она вяжет мне исландский свитер.

— Браво! — сказал Хохольский. — Насчет вязания — это надо подумать.

— Можешь подарить ей «Домашнюю энциклопедию». Это большое подспорье в хозяйстве. Она уже не сможет тебе говорить: «Я не умею делать маринад» или «Не умею крахмалить воротнички».

— Я начинаю тебя понимать... — сказал хозяин. — Но, кажется, и я что-то такое в прошлом году сделал. Правда, по наитию. Сейчас увидишь.

— Дамы! — крикнул он. — Что же вы нас бросили? Без вас скучно.

Антонина Глебовна и Валентина Михайловна вошли, весело разговаривая уже о брючном костюме, который сидит на их общей знакомой Вере Ивановне, как на корове седло.

— Валюша, — нежно сказал Хохольский,—цел ли у нас миксер, что я тебе подарил в прошлом году на Восьмое марта? Цел? Ну, тогда, лапа моя, сотвори для нас коктейль. Лучше всего «Маяк» или «Карамболину». Ну-ну, не ленись!

Хозяйка, кисло улыбнувшись, устремилась на кухню.

...Провожая гостей, Геннадий Петрович шепотом сказал Енотаеву:

— А знаешь, я ей, пожалуй, подарю на сей раз шашлычницу. Хороший домашний шашлык — это впечатляет. А?

Енотаев одобрительно хихикнул.